

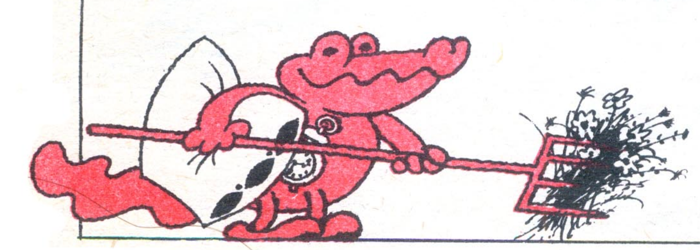
КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 3 ЯНВАРЬ 1989

— В понедельник, дорогой, пропадет уксус, минтай, «Завтрак туриста»...

Рисунок В. ПОЛУХИНА.

«Я — лошадь: я питаюсь стоя»,— пишет Тамара Жирмунская в своем руководстве, как похудеть. Эти и другие ее стихи читайте на стр. 7.

КРОКОДИЛ

№ 3 (2625)
январь 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, А. Бавыкин, М. Вайсборд, Р. Друкман, В. Дубов, И. Зарченко, В. Каневский, В. Кудин, Г. и В. Караваевы, Г. Ломидзе, В. Луговкин, В. Мохов, В. Полухин, М. Смагин, О. Теслер, В. Тильман.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 20.12.88.
Подписано к печати 27.12.88.
А 11852.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 300 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 699 393).
Зак. № 3564.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). Зак 1829

Ю. БОРИН, Н. КВИТКО

СВИНЬЯ В РАЗРУБЕ,
или Почему мужик серчает на базар

Пословица «Мужик на базар три года серчал» имеет иронический смысл. По отношению к незадачливому мужику, который проморгал рыночную конъюнктуру и посему остался в прогаре. Дескать, нечего серчать, коли сам виноват...

Но вот пищет нам крестьянин Н. Егорушкин из Ставрополья, отправившийся в Невинномысск продавать откормленную им свинью. «В воскресенье рано утром,— пишет он,— повез я мясо на рынок. Приехал, еще не было шести. Мест нет. Пришлось ждать. В половине восьмого освободилось место. Но надо теперь пройти медосмотр мяса. Оказывается, я не так его порубил. Говорят, что тушу надо рубить на четыре части, и всё. Это же каким надо быть сильным, чтобы поднимать такие куски?»

Однако проблема разруба — это только цветочки.

«Начали резать на экспертизу. Из каждого куска обрезали по солидному кусочку... Дождался я заключения экспертизы, но теперь надо идти брать весы, гири и нарукавники... Выручил я от продажи мяса 223 рубля. Отдал за нарукавники и прочее 8 руб. 25 коп., рубщику 5 рублей, за то, чтобы быстрее сделали экспертизу, тоже 5 рублей. Отрезали мяса на экспертизу не менее двух килограммов, это 8 рублей. Итого у меня осталось 197 рублей...»

Подытожим. Если бы не было поборов, да не отхватили бы целых два кило свинины на «экспертизу», привез бы Н. Егорушкин домой червонца на два-три больше. «Теперь у меня хоть и будут какие-то излишки, никогда не повезу на рынок,— сердится Егорушкин.— Лучше это мясо закатаю в банки, и пусть стоит».

Не знаем, сколько лет будет ставропольский крестьянин серчать на Невинномысский базар, но, согласитесь, основания есть. Те недобранные червонцы по нынешним временам тоже деньги.

Но дело даже не в деньгах, которые потерял конкретный Егорушкин, приехавший на базар торговать не столь уж крупными излишками своей продукции. Дело в проблемах, с которыми сталкиваются миллионы мужиков, решивших продать на городских рынках мясо и прочие продукты, выращенные ими на своих подворьях.

Начать с того, что им приходится частенько платить втридорога за подвозку продуктов на рынок. Прежде, до Указа о нетрудовых доходах, любой шофер порожнего грузовика за божескую цену готов был подбросить на рынок несколько мешков картошки или капусты. Теперь на дорогах стоят милицейские стражи, и «левак» рискует не только деньгами, но и водительскими правами. А за риск надо платить... И хотя в газете «Известия» сам Генеральный прокурор разъяснил, что деньги, полученные за подвозку продуктов на рынок, не считаются нетрудовым доходом, да, видно, до местных властей сие разъяснение не дошло, и по-прежнему поднимают жезлы гаишники, по-прежнему делят местные власти территорию страны на «свою» и «чужую». И упаси бог, если вздумал мужик везти свой товар на «чужой» базар. Любой милиционер запросто его экспроприирует...

Но вот крестьянин благополучно добрался до рынка. Хорошо, если это случилось утром. А если вечером? Или, скажем, он за день не распродал свой товар и надо остаться ночевать. А где ему ночевать, когда на каждые 100 рынков приходится 4 гостиницы и 5 домов колхозника?

Ворочается ночью мужик на своих мешках, жестких, как булыжная мостовая, и размышляет. Он размышляет о том, что в холодильник свой товар ему положить не удалось, поскольку холодильными камерами оснащено меньше четверти всех рынков. Да и в камеру хранения не сдашь, потому что складские помещения имеются лишь на двух базарах из сотни. И еще мужик тоскует, что не взял с собой пропитания и остался голодным, поскольку столовые есть только в половине всех рынков страны.

Хотите еще цифр? Пожалуйста. Из шести с лишним тысяч городских рынков только 452 имеют крышу над головой, остальные открыты всем ветрам, дождям и снегам. Только 40% рынков имеют такую немыслимую роскошь, как водопровод. Чуть больше половины электрифицированы, а почти на трети нет твердого покрытия, иначе говоря, стоят и продавцы, и покупатели в грязи по колено.

Ну скажите, захочется современному мужику торговать в таких условиях?

Неудивительно, что, по данным Госкомстата СССР, из года в год идет неуклонное сокращение завоза сельхозпродуктов на колхозные рынки. Меньше привозят мяса и масла, яиц и птицы, молока и овощей. Уж на что грибная была прошлая осень, а прилавки даже комфортабельных московских рынков не ломились от даров леса.

А раз меньше торгующих, то и цены, стало быть, выше. Горожане негодуют: черт знает что! Эти мужички-частнички сдирают с нас три шкуры. Куда смотрят власти?

Так ведь куда денешься: детерминизм! Проще говоря, все в мире взаимно обусловлено и причинно связано. Нет нормальных условий для частника — он не хочет ехать на базар. Не хочет частник торговать — выше стали цены. Выше цены — ниже уровень жизни народа... И теперь уже не только мужик серчает на базар, на него серчают все — и рабочие, и интеллигенция.

Так базар становится проблемой социальной. А частный факт — продажа Егорушкиным свиньи — приобретает поистине вселенские масштабы.

Года полтора назад все так называемые колхозные рынки (кстати, почему они «колхозные», так до сих пор и неясно) обрели нового хозяина. Раньше ими владели местные Советы, теперь они под эгидой потребкооперации. Что изменилось?

Практически ничего. Местные органы умыли руки — теперь им не надо пачкать их в рыночной грязи. У Центросоюза же до городских рынков руки все не доходят.

В Москве, например, идет бурная реорганизация. Раньше было Управление рынками при Главторге Мосгорисполкома. Потом его сменило Объединение рынков при Мосглавкоопторге. Следующий этап — создан Горкоопторг. Потом Горкоопторг расформировали и рынки передали вновь созданному Мосгорпо. Что последует за этим? Да и до мужика ли тут, если идет перестановка столов и смена столоначальников?!

В 1987 году (№ 15) в фельетоне «Третий кит» мы говорили о том, что рыночная торговля, подобно Земле в представлениях древних, покоится на трех китах: торговле государственной, кооперативно-колхозной и частной. И стоит одному из китов зачахнуть, как рушится равновесие рыночной экономики. Прошло почти два года, но третий кит хиреет с каждым днем. Больше того, кое-где убираются с рынков и государственные магазины. А ведь и то, и другое отражается на жизненном уровне миллионов людей.

В связи с чем у Крокодила ЕСТЬ ВОПРОС К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРАВЛЕНИЯ ЦЕНТРОСОЮЗА тов. ФЕДИРКО:

— Уважаемый Павел Стефанович! Хотелось бы знать, что намерен сделать Центросоюз для того, чтобы человек, торгующий на рынке, почувствовал себя полноправным партнером в торговых рядах?

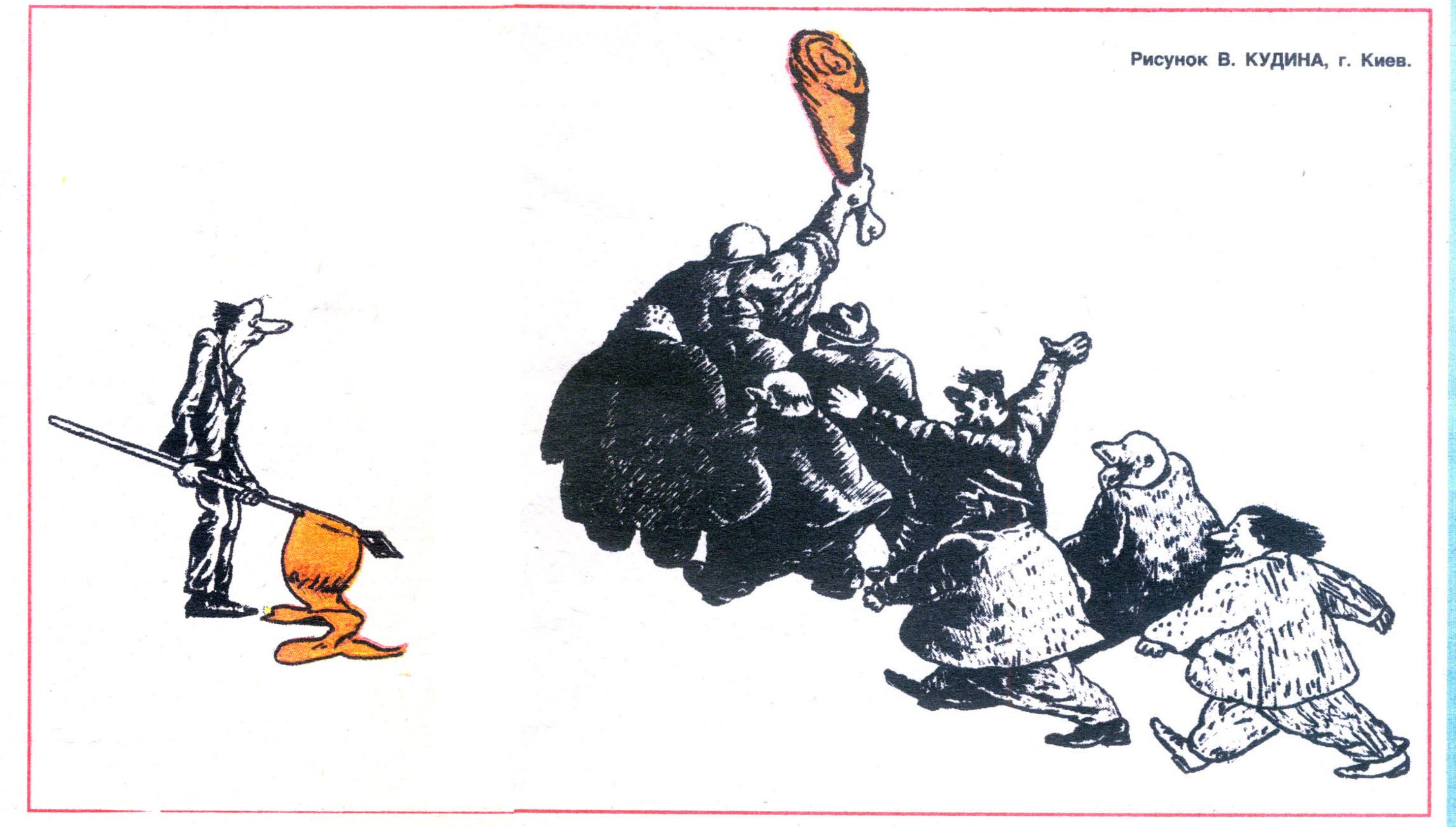

Рисунок В. КУДИНА, г. Киев.

ВЕЧЕ НА ЖУРНАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

Прочитали внимательно письмо А. Портнова из г. Воронежа, адресованное вам и опубликованное на самой первой странице № 33 журнала.

А ведь тов. Портнов прав. Именно честных тружеников, которых миллионы в стране, волнует вопрос, чем семью кормить.

Вот вы на первой странице (обложке) хороший рисунок * поместили, но ведь не все этот журнал смотрят, да и не все понимают эти намеки. Хорошо бы прямо написать открытое письмо товарищам в Госплан или министру легкой или другой промышленности и поставить вопрос в упор: почему же нет стирального порошка в стране? Чем стирать белье? Ведь золы-то нет, как раньше, в войну ею стирали.

Или, скажем, почему бы не спросить прокуратуру, почему колбасная продукция Панфиловского, Балхашского, Павлодарского, Темиртауского мясокомбинатов Казахского Госагропрома не отвечает нормальным требованиям к съедобности **?

Я понимаю, что вам не стоит портить отношения с министрами и другим большим начальством. Но ведь сейчас гласность. И читатели хотят все же, чтоб стиральный порошок был, и колбаса хорошего качества, и конфеты тоже. Об этом я редакции тоже писал не раз, но она упрямо молчит. А за рисунок и материал о колбасе спасибо. Они интересны и злободневны.

С уважением

Н. ЧЕРНЫШЕВ, инженер, г. Серпухов Московской области.

Здравствуйте, уважаемый редактор! Прочитали мы с мужем письмо на злобу дня А. Портнова из г. Воронежа в № 33 вашего журнала и вполне с ним согласны. Но ваш бюрократический ответ просто бесит. Какие еще вам нужны аргументы? К этому письму еще и я могу много добавить. Ответьте, как можно прожить семье из 7 человек (двое нас и пятеро детей) на зарплату мужа в 250 руб. в месяц? (Я сейчас с ребенком в декретном отпуске до года.)

Развели кругом кооперацию и бешеные цены. Для кого? Для работяг? Раньше это называлось «спекуляция», и за это следовало наказание, а теперь что? Всем барыгам открыта дорога делать деньги свободно, а мы, правильно, работай больше — получай меньше. Я тоже не вижу перестройки, где она? Рабочего зажали со всех сторон, еле тянемся от зарплаты до зарплаты.

Стыдно вам, редакция, давать такой ответ. Сами же с этим боретесь, так что, и вам теперь не верить? На этой же странице журнала про колбасные изделия ** громко правду пишете и тут же в уголочке такой ответ работяге. Нехорошо!

С уважением Л. ХУРДА, г. Сегежа Карельской АССР.

С большим удовлетворением прочитал статью «Ситуация с канализацией» в № 27, 1988 г. Спасибо от ялтинцев за нее...

Да, ялтинцы действительно редко купаются, так как знают, что бытовые стоки почти все идут в море без очистки. Что же касается отдыхающего начальства, то плавает оно в бассейнах или очень далеко от городских пляжей...

В крымских газетах пишется много, но делается по охране природы мало... Что же касается гипотетического экологического центра, то население города считает, что это просто будет очередное прибежище отставных горисполкомовских и партийных работников...

По неофициальным данным Ялтинской санэпидемстанции, у нас в Ялте на каждого отдыхающего приходится по 4 кв. см пляжа. Микробиологические допустимые нормы загрязнения воды превышены в сотни раз. На 1 км^2 городского пляжа в день попадает ни много ни мало около 100 тонн мочи. Но горисполком ничего не делает, только поднимает плату за пляжи и все прочее...

С 1988 года все главные городские туалеты Ялты стали платными. Это сильнейшим образом повлияло на город. Черт знает во что превратились все зеленые насаждения в центре. Но больше всего пострадало море у пляжей...

ШАРЫГИН Сергей Александрович, кандидат биологических наук, зав. музеем Никитского сада, лектор общества «Знание» и Общества охраны природы.

* Рисунок Г. Огородникова: «—Смотри-ка, вот тот мужик «Банным» мылом моется...— Ну, жук, не иначе — в торговле работает». *(Прим. ред.)*

** Фельетон Гр. Крошина «Наколбасили!» *(Прим. ред.)*

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКОГО ПИСЬМА

ВОСПИТЫВАЮ СЫНА ОДНА

Уважаемая редакция журнала «Крокодил»!.. Сегодня слушала передачу городского радио, в которой говорилось о подростках, которых должны трудоустраивать без проволочек. Но на какое предприятие не придешь, они никому не нужны...

Суть дела. Я одна воспитываю сына. Сейчас ему 14 с половиной лет. Разошлась с мужем, когда мальчику было полтора года. Родители (маме 72 года, отцу — 82) живут на окраине города. У матери белокровие, отец — инвалид I группы. Летом мать была в больнице, чтобы ухаживать за отцом, с трудом добилась неоплачиваемого отпуска, пришлось рваться на части между своим домом и родительской квартирой. Конечно, дома у меня порядка быть в это время не могло (да и дом требует основательного ремонта, но ...материал, деньги...). Алименты получаю 19 рублей. А сын совершил мерзкий поступок — не один, с дружком из его же школы: поджег котенка...

Но ведь я давно просила, обивала пороги различных инстанций, чтобы подростка взяли на работу (это беда общая по городу), а закончить восьмой класс он мог бы и в вечерней школе. Неужели надо обязательно доводить бездельно шатающуюся молодежь до правонарушения! Ведь парни в возрасте моего сына физически пригодны к работе: крупные, сильные, и многие неважные ученики становятся отличными профессионалами, с них слетает подростковая бравада, рано взрослеют, как только познают цену рабочей копейке.

Мой сын не выпивоха, не наркоман, но разве я могу быть спокойной на работе, если он в любой день может к этому пристраститься?

И еще. При алиментах в 19 рублей, моей зарплате (я работаю на заводе «Электромаш» гардеробщицей, по состоянию здоровья, более 12 лет болела астмой) я оштрафована комиссией по делам несовершеннолетних на 30 рублей — за случай с котенком. Кстати, участники — мой сын и ученик той же школы. Фамилию второго мальчика я знаю, но назвать не могу, так как не хочу, чтобы оштрафовали и ту семью. Просто несправедливо это по отношению ко мне. Очень обидело меня отношение комиссии: дескать, я плохая мать, не занимаюсь воспитанием сына... Но разве у всех матерей, воспитывающих сыновей в одиночку, подчеркиваю, сыновей, получается то, что они задумали: вырастить мальчика честным, великодушным, умеющим постоять за себя? А ведь я и семью новую не стала заводить, чтобы сыну не помешало...

Б. МАРГЕНШТЕЙН, г. Тирасполь.

ЛЕЧАТ ЛИ В ЛТП?

Я алкоголик. Зарегистрированный. Нахожусь в заведении, называемом лечебно-трудовым профилакторием. Звучит название? Особенно первое и последнее слово. Вот только соответствуют ли эти слова действительности, особенно в сочетании с официальной фразой «направляется на принудительное лечение»?

Понятия «принудительное лечение» и «от алкоголизма» несовместимы... Нету, понимаете, нету лекарства от этой болезни! И, похоже, в ближайшее время не будет. А лечить всех гипнозом, видимо, накладно. Куда проще деньги тратить не на алкоголиков, не разрабатывать эффективные методы лечения, а спрятать этих алкоголиков подальше с глаз, и, создав видимость лечения, держать их в ЛТП, пока не кончится срок лечения, назначаемый почему-то судом...

Направим в ЛТП сколько надо народу и отрапортуем, что борьба с пьянством и алкоголизмом у нас ведется самыми решительными... мерами. Хорошо бы еще приписать: «И скоро мы окончательно покончим с этим злом». Да вот не пишутся эти слова и долго еще не напишутся, пока ведется *борьба* с этим злом...

Бороться можно по-разному. Можно вырубить сады и виноградники, объявить области зонами трезвости... И в результате получить целый букет проблем, расцветших там, куда брошены семена бездушия: распустилось пышным цветом самогоноварение, заблагоухала парфюмерия и бытовая химия изо рта нашего великого труженика и даже интеллигента... Пить начали даже те, кто раньше и не собирался: запретный плод не всякая душа выдержит.

И вот начинается борьба с этими «душами»: не за душу, а против души...

Вариантов попасть в ЛТП много. Отправляют матери и жены, соседи и начальники. А то и сам участковый.

Приезжаем в ЛТП. Что же это такое — тюрьма, колония? Нет, говорят, профилакторий... А разница какая — разве что забор пониже, да режим послабже, да и то только в последнее время. Одевают же как в колонии — в синюю форму, спишь на такой же тюремной двухъярусной «шконке», питаешься, как в лагере, за длинным столом, сидя на общей скамье, да еще недоброкачественной, мягко говоря, пищей. Медобслуживание оставляет желать лучшего. И отношение соответствующее.

В колонии хоть знаешь, за что сидишь. А тут? За то, что пьешь? Так сделайте повсеместно *сухой* закон, чтоб знать, что нарушил... Или *сделайте ЛТП по-настоящему лечебным учреждением.* А то сейчас получается, что наказывают человека, а за что? Потом разберемся, когда закончим перестройку? А сейчас некогда, других дел много? Ну а пока те сотни тысяч, даже миллионы подождут?.. А алкоголиков лечить, выхаживать надо. Но кто работать будет? Без премий и прогрессивок, по заниженным расценкам. А из заработка надо отдать 30 процентов «хозяину», 25—27 рублей за пищу, не забудьте одежду — 60—70 рублей, лечение... В так называемом ларьке отовариваться можно раз в месяц на 10 рублей (а в зоне — на 25 рублей), посылки (и это больным людям!) раз в месяц не более пяти килограммов. И вот результат: большинство спецконтингента, как нас тут называют, о перестройке нелестного мнения... А выйдя на волю, снова начинают пить. Или черт с ними, обойдется общество и без них...

БАТУРИН Е. В, Калининская область.

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОДПИСЧИК?

В нашем городе — речь идет о Набережных Челнах — распространена шутка, что городу зря вернули старое название; имя печальной памяти Брежнева как нельзя более подходит, ибо болотный «брежневский» застой характерен для работы большинства служб города. Но скажу только об одной — городской почтовой службе, в частности, о доставке газет и журналов. Газеты я на этот год выписывать не стал, так как их доставляют через день, а иногда неделями не приносят. А из полученных номеров журналов многие были разысканы в хламе почтовых отделений после того, как я являлся туда лично.

В течение года я пользовался двумя почтовыми отделениями — №№ 25 и 20... Увидеть начальника отделения или зав. отделом доставки не легче, чем воблу в магазине. В будние дни часы работы совпадают с общепринятыми, в субботу — «в колхозе», в воскресенье — выходной. Телефон отключен или не работает, или некому подойти, так как невозможно работникам выбраться из-под гор корреспонденции. Вот так и работают. Клиенту остается поднять руки вверх и кричать «Спасите!». Хотя все равно никто не услышит. Надеюсь, что хоть это письмо не пропадет.

В. ЧИСЛЕНСКИЙ, г. Набережные Челны.

ДОМОСТРОЙ XX ВЕКА

Письмо молодого архитектора

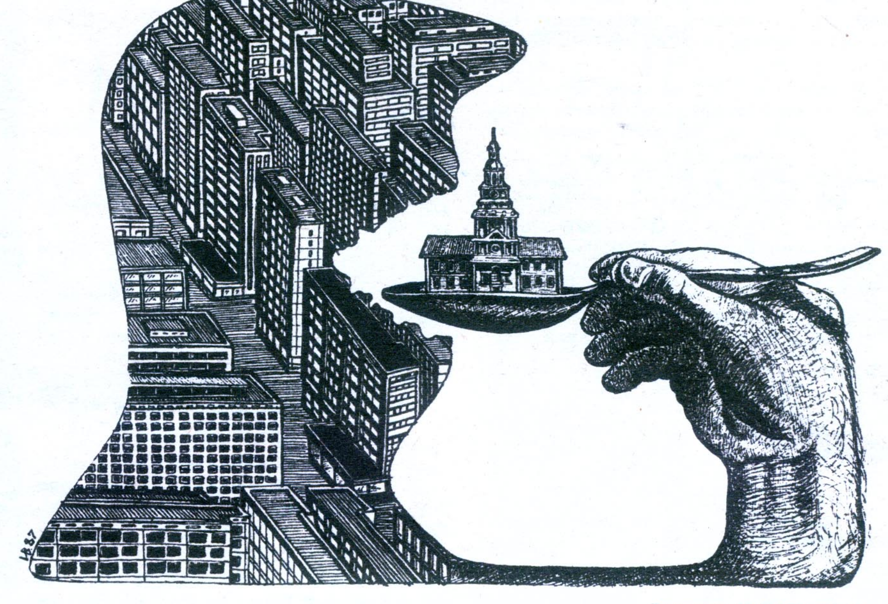

Рисунок И. ЗАРЧЕНКО.

Дорогие друзья! Прочитал в «Крокодиле» № 28 об открытии новой рубрики, где можно будет высказаться по проблемам творческой молодежи, и решил откликнуться.

Думается, нет нужды доказывать, что наша архитектура больна: достаточно выйти на улицу и поглядеть вокруг. Общий кризис, поразивший искусство, не минул и зодчество. Впрочем, искусство ли это? Вопрос не такой праздный. Недаром в ЦДРИ при проведении вечеров творческой молодежи все никак не могут решить — стоит или нет приглашать студентов-архитекторов?

Словари утверждают, что зодчество является одним из видов искусства, а внешний вид зданий убеждает в противном. Поэзия и живопись, кино и музыка проходят испытание временем, и людям остается лучшее. Из архитектуры же остается все, все стоит и будет стоять, кроме, конечно, того, что взорвали ревнивые борцы с чуждым культом. Архитектура — лучший памятник любой эпохи, всегда наиболее точно выражающий свое время. Из семи чудес света до наших дней дошли только пирамиды в Египте — может быть, именно потому, что находятся в Египте, а не в пределах Садового кольца. Хотя и на Садовом есть свои пирамиды — высотные здания на пл. Восстания, у Красных ворот, МИД,— сомасштабные своей антигуманностью вождю всех времен и народов. Знаменитые пятиэтажки шестидесятых не такие прочные, но ведь тоже стоят. А можно ли придумать лучший символ застоя, нежели недостроенный памятник погибшим миллионам народных рублей на Поклонной?

Что же собираемся мы, наше поколение, оставить в назидание потомкам, какую архитектуру будут называть «перестроечной»? На этот вопрос пока нельзя ответить. Изменения в арх. цехе происходят гораздо медленней, чем, например, в кинематографе.

Давайте посмотрим, что же представляет собой современный молодой архитектор. Следует отметить сразу, что он скромен (как правило) и зодчим всерьез себя не называет, да и гордое слово «архитектор» тоже часто заменяет на слово «проектировщик», шипящее окончание которого безошибочно указывает на подчиненное положение.

Больше половины молодых архитекторов — женщины, меньше половины носят бороду. Но не такую окладистую, как художники, ибо в отличие от них сидят на окладе. Оклад небольшой, но гарантированный, вне зависимости от того, построят что-либо или нет из проектов, ими созданных. Главное, чтобы заказчик принял проект, а дальше уже его дело. Поэтому множество невоплощенных проектов пылится в архивах, или, как говорят архитекторы, «идет в корзину».

Расценки на проектные работы по сравнению с художественными очень низкие. Скажем, проект клуба может стоить дешевле, чем мозаика, украсившая (или обезобразившая) его фасад. Расценивается проект вне зависимости от того, будет ли построен один дом, два или десять тысяч, или не построен вовсе. О гонорарной системе оплаты архитекторы уже не мечтают. Сейчас институты переходят на хозрасчет, но при действующих ценах на проектные работы (раза в два ниже, чем во всем мире) и больших накладных расходах на содержание аппарата материальное положение молодых архитекторов вряд ли изменится.

Но не будем сосредоточиваться на экономике, гораздо важней творческая сторона. Здесь дела обстоят еще хуже. Нет ни одного вида искусства, регламентированного так строго, как зодчество. СНиПы, инструкции, указания и ГОСТы сократили поле творческой деятельности до размеров детской песочницы. А чиновники, обступившие это поле плотной стеной, строго следят за действиями архитектора. Минстрой, Госстрой, Госкомарх, ГлавАПУ — имя им легион, власть в их руках.

Впрочем, чиновников молодой архитектор не видит — у него есть свои начальники. А так как начальников много, а техников нет, то первые годы архитектор выполняет чисто техническую работу, компенсируя нехватку выпускников техникумов и соответственно забывая, чему же его учили в институте пять с половиной лет.

Поэтому, отработав свои три года по распределению, наиболее творчески активные уходят в дизайн, в реставрацию, в кино и т. д. Широко известны имена музыкантов и поэтов, режиссеров и художников, имеющих диплом архитектора, этакий экспорт таланта и интеллекта. А теперь попробуйте назвать хотя бы одного поэта или художника, добровольно ушедшего в архитекторы! Может быть, это потому, что нас, архитекторов, много?

Как бы не так! В нашей стране архитекторов в процентном отношении к населению в 5—10 раз меньше, чем в других странах, а конкурс в МАРХИ — всего полтора-два человека на место, и трудно поверить, что бывали времена, когда конкурс был в шесть раз больше. Престиж профессии был утрачен в годы «борьбы с излишествами», то есть относительно недавно.

Давайте теперь посмотрим на тех архитекторов, которые, не считаясь с отсутствием престижа, остались работать в архитектуре. Для них главные творческие потребности удовлетворяются в свободное от службы время. Одни участвуют (и выигрывают) в международных конкурсах, если, конечно, вовремя узнают о них, что довольно сложно в силу нерасторопности профессиональной прессы. Конкурсы бывают концептуальные, что-нибудь вроде «хрустальный дом XXI века», и в них, на уровне «бумажной архитектуры», советская архитектура вполне конкурентоспособна. Открытые конкурсы проводит и Союз архитекторов, но вот беда — выигравшие проекты, как правило, не воплощаются. Это неудивительно, если учесть, что Союз архитекторов — организация сугубо творческая и власти не имеет, а стало быть, повлиять на застройку не может.

Другие молодые архитекторы уходят в проектные кооперативы. Реальной конкуренции государственным институтам они пока не составляют, ибо ничтожно их число, да и задачи ставят небольшие, реально выполнимые.

А теперь несколько чисто профессиональных моментов. Знаете ли вы, что 90% архитекторов работают с треугольниками и рейсшинами, вырезанными вручную умельцами? Точность оргтехники фабричного изготовления не годится даже для школьников. О таких новациях, как графопостроители или компьютерное проектирование, пока говорить не приходится, дабы не расстраиваться попусту.

И самое главное — без качества строительства не может быть качества архитектуры. Поэтому если мы уже сейчас читаем журналы, смотрим фильмы, рожденные перестройкой, то новую архитектуру будем лицезреть нескоро, и необходимо сейчас всерьез взяться за зодчество, чтобы дети наши жили в удобных, красивых домах, красивых не только изнутри за счет обилия ковров и мебели, но и снаружи.

Что же конкретно можно сделать?

Дефицит жилья огромен, его нельзя сравнить даже с дефицитом на одежду. Но в легкой промышленности совместные предприятия стали обычным явлением, а в строительстве до сих пор сотрудничество с зарубежными фирмами было лишь на интуристовских объектах типа Хаммеровского центра или гостиницы «Космос». Сейчас было бы целесообразно организовывать совместные проектно-строительные фирмы — специально для массового жилого строительства. Необходимо оснастить новейшей технологией и проектировщиков, и строителей, стимулировать новые организационные формы: проектно-строительные кооперативы, акционерные фирмы. Вот где молодые могут приложить свои дремлющие силы!

Нельзя поспешно уродовать страну непродуманной «экономичной» застройкой. Так мы проблем не решим, а лишь переложим на плечи потомков, как вышло с пятиэтажками шестидесятых годов (которые оказались очень неэкономичными в эксплуатации, и сейчас мы вынуждены их модернизировать, утеплять и укреплять). Скупой платит дважды, а глупый — трижды.

И, безусловно, необходимо ликвидировать диктат бюрократа при фактическом бесправии архитектора-творца. ЧТО построить — должен определять заказчик, а КАК — архитектор; сегодня же эти КАК и ЧТО определяет чиновник.

А пока окружающие нас здания высятся как памятники архитектурЕ, безвременно ушедшей от нас...

Василий ГАВРИЛОВ,
ведущий архитектор научного проектно-строительного объединения «Монолит».

ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!

ЭФФЕКТ СВОЕГО ПОЛЯ

Подряд арендный в селах побеждает.
Оно понятно: на поле ничьем
Колхозник регулярно выступает,
А арендатор — только на своем!

Б. Коган, электрослесарь, г. Москва.

Доклад — безбрежный океан:
То буря в нем, то штиль, то волны.
Но если суть собрать в стакан,
То он окажется неполный.

В. Лях, учитель физики, хутор Нижний Попов Ростовской обл.

ЦЕХОВАЯ ЭКОЛОГИЯ

Парит всегда в высокой сфере
Наш профсоюзный царь и бог.
Да снизойди же к атмосфере,
Что отравляет каждый вздох!

Ю. Лобов, электрослесарь, г. Курган.

ДЕМЬЯНОВА УХА

Демьян соседа угощал с утра.
Кормил икрой, ухой из осетра.
За что? О том узнали скоро:
Сосед — инспектор рыбнадзора!

ВОЛК И ЯГНЕНОК

Ягненку — Волк: «Вы ревизор из треста?
Ручей и вы! Для вас ли это место?
Пускай здесь пьют Осел или Баран!»
И поволок Ягненка в ресторан.

В. Зубихин, слесарь, г. Волгоград.

СКОРОГОВОРКИ

Мало Мила мылом мылась.
Изумлялась Мила — смылись
Мыл дешевые сорта.
Дорожает чистота!

* * *

На траве двора
Гарь и треск костра,
Дров горит гора —
Тару жгут с утра.

И. Калитина, библиотекарь, г. Москва.

Пусть помнит об этом
Хозяин любой:
Готовь сани летом,
А сахар зимой!

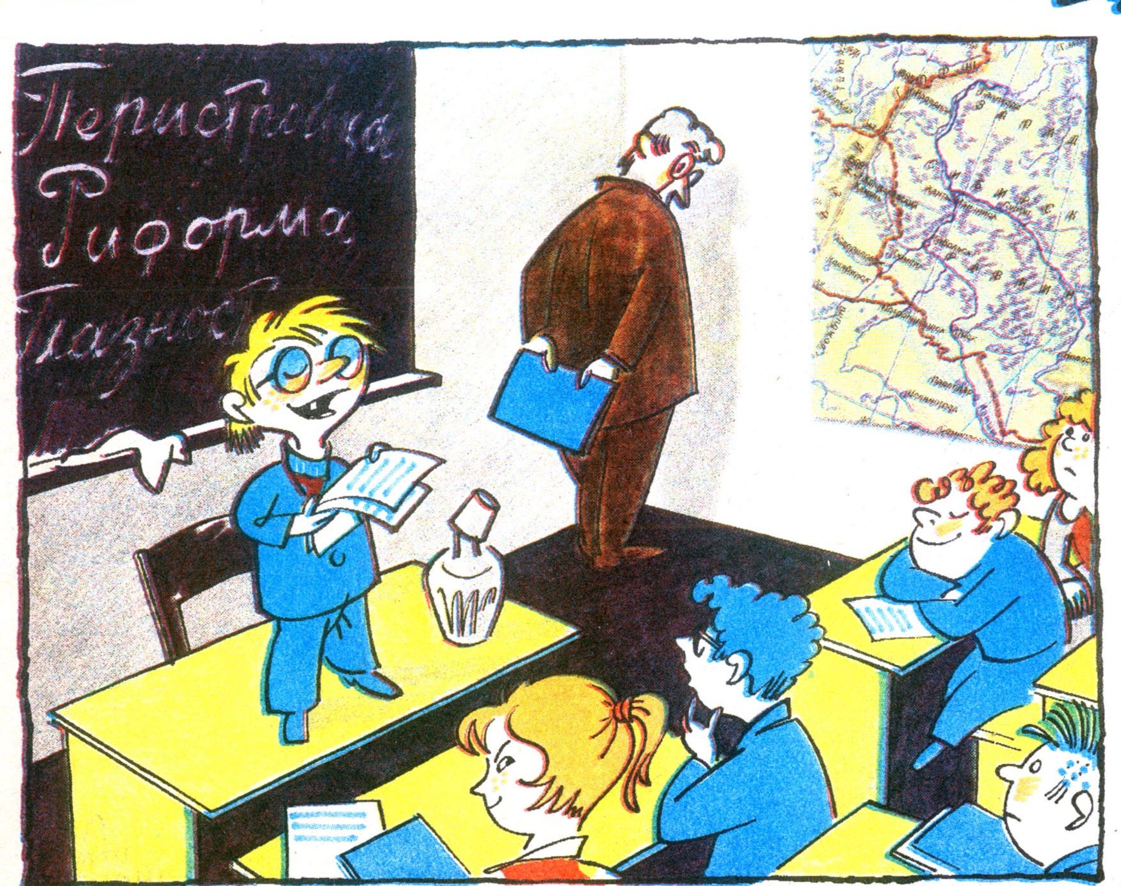
М. Саитов, садовод, г. Свердловск.

Рисунок В. ПОЛУХИНА.

Рисунок О. ЭСТИСА.

— Совет класса постановляет...

Рисунок В. МОХОВА.

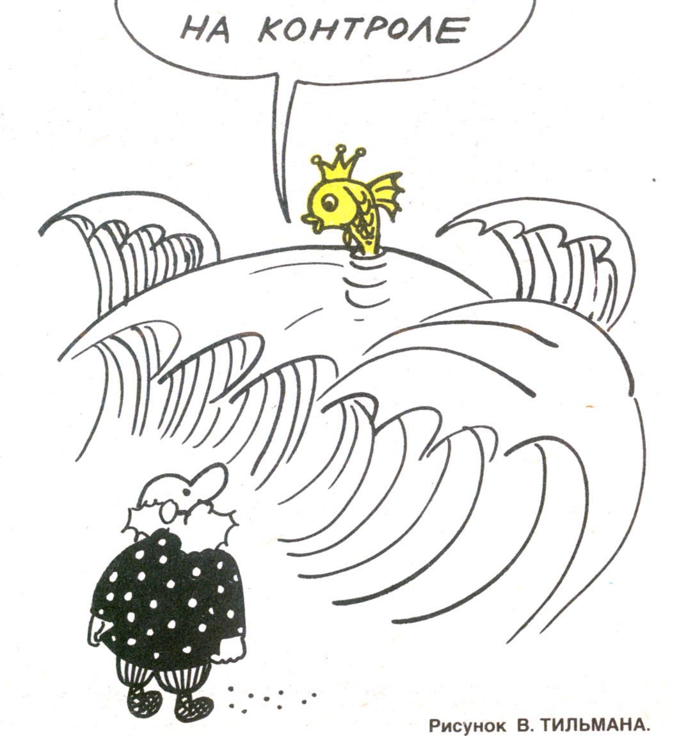

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

Ирина СКОРОБОГАТОВА, специальный корреспондент Крокодила

АНАТОМИЯ ОДНОЙ ОЧЕРЕДИ

В город за граблями...

Витиевато огибая торговый прилавок, очередь петляла по залу Львовского универмага и терялась во входных дверях. Я изнывала в середине, выстаивая добрые полчаса за крючком бельевым.

— В очереди одна деревня. Трусы хватают,— проинформировала меня соседка.— И не только трусы. Как-то захожу в хозяйственный, за лампочкой, а там сплошь «десант». На штакетник записываются. Так без лампочки и осталась.

Ах, положа руку на сердце признайся, столичный житель, кого не раздражают плюшевые «десанты». Высыпавшись из запыленных областных автобусов, они лавиной обрушиваются — даже не на дефицит — на вполне доступный товар: пряники, сатин, сапоги кирзовые. Из-за них булку спокойно не купишь, носовой платок не приобретешь, шлепанец не примеришь. А уж суеты-то, суеты!

Мне невольно передалось раздражение собеседницы. Неужели нельзя завезти в сельский магазин нужное количество трусов, которых в городе навалом? Вот и поредеет очередь.

И, выбравшись из универмага, я отправилась в Львовский облпотребсоюз.

— Трусы в деревне есть,— уточнила ситуацию М. М. Федына, начальник конторы «Облкоопторга»,— но только пятьдесят второго размера, поскольку исключительно такие габариты прислал нам Червоноградский филиал львовского ПШО «Луч». Впрочем, если с трусами еще кое-как перебиваемся, то по остальной группе...

И тут Мария Михайловна вытащила объемистую справку... Вот, к примеру, мужской пиджак. Кому его продать, если пиджак один на пятьдесят мужиков? Выдать передовику производства, чтобы сходил на вечер, а потом снова спрятать в сейф? Или наградить пожизненно, как некогда премировали «красными пролетарскими штанами»?

Пара обуви — на каждого второго. Хочешь — левый ботинок носи, хочешь — правый! Кепок мужских больше вообще не продают, потому что «простой ассортимент» не выгоден Львовской швейной фабрике. Но зато наконец-то пришла партия мужских костюмов с Каменец-Подольской швейной фабрики. То-то радости было! А как вскрыли контейнер, то обнаружили, что все костюмчики — на дядю Степу, в то время как в Львовской области проживают самые разнокалиберные мужчины. Куда же невысоким и худеньким за обновкой податься? Один ответ — в город!

Ох уж эти фабрики! Львовское ПШО «Маяк» вместо обещанных пальто с норкой прислало допотопные хламиды с траурной полоской каракуля вокруг шеи.

А Городецкая швейная фабрика и вовсе умудрилась выпускать взрослый и детский ассортимент из одной и той же ткани. Здорово получилось! Семья Панасюков — вся в клеточку, а Кривчуки — сплошь в горошек.

В общем, как ни куражься, а девиз «деревня все купит» не так уж ветхозаветен. Она и впрямь все покупает, тем более что и покупать ей особенно нечего. Вот только в прошлом году недодали телевизоров шесть с половиной тысяч, магнитофонов — две с половиной и велосипедов — восемь. А в целом селу недовезли товара на пятьдесят миллионов рублей.

— Мы обслуживаем половину населения области,— подвела итог Мария Михайловна после того, как я оторвала глаза от справки,— а получаем только одну треть товара. Подчас даже такие сугубо сельские предметы, как штакетник, рукомойник, метла березовая и заслонка печная, продаются в городских хозторгах.

— А зачем горожанину метла березовая? — не поняла я.

Но оказалось, что если горожанину ни метла, ни штакетник ни к чему, то городскому управлению торговли этот товар весьма кстати. Фигурируя в плане, они вливаются капельками в общие цифры отчетности. Городское управление, являясь главным распределителем фондов, себя, как вы понимаете, а главное, свой план, не обидит. Оттого и остается в городе львиная доля всевозможных товаров. Ведь понятно, что не станет сидеть деревенский житель без телевизора, велосипеда, сапог, трусов, сатина, рукомойника, розетки электрической, калош резиновых, формы школьной и брюк подростковых. Он облачится в фирменный семейный горошек, сядет в автобус и — эх, пропадай сад-огород!— дунет в город. Стоять в очереди, помогая городскому управлению торговли выполнять план.

Вернувшись в Москву, я позвонила заместителю председателя Центросоюза В. П. Ракитских и поинтересовалась, являются ли субботние марш-броски в город общесоюзными?

— Еще как являются! — горячо отозвался зампред.— А все потому, что до сих пор нет упорядоченного распределения товаров между городом и деревней. Город традиционно получает товаров в среднем в два с половиной раза больше, чем село. Возможно, в годы развития тяжелой индустрии, когда возникла такая пропорция, повышенное внимание городу было оправданным, но времена изменились. Мы на словах призываем людей не покидать родные деревни, а на деле вынуждаем их переезжать в более обеспеченные районы.

Дико, но факт: сельский инвалид войны, в отличие от городского, не имеет права на продовольственный заказ. У него нет специализированного магазина, да что там магазина,— прилавка! Чашка кофе, порция мороженого, конфетка исключены из блюд сельских кафе, а чем деревенская молодежь хуже городской? Из восьмисот тысяч автомобилей, которыми ежегодно торгует страна, только сто двадцать четыре тысячи едут на село. И это несмотря на то, что крестьянин за каждую машину дает еще и по две тонны мяса.

Госторговля, по-прежнему придерживаясь ветхозаветных инструкций, львиную долю товара оставляет на городских прилавках. Вот и получается, что мы сами создаем эти надоевшие очереди.

Львовская область.

СЕРДИТЫЙ СЕРВИС

СКАТЕРТЬЮ ДОРОГА

Как пассажир стал нерентабельным

Рисунок В. ДУБОВА.

Жалобы никто не любит. И транспортники не исключение. Ведь если признать жалобу справедливой, надо начинать мороку с принятием мер. Проще отказать. Если, конечно, найти мотивировку.

Гражданка Р. Г. Звездилина из Сальска Ростовской области пожаловалась на то, что отменили автобусный маршрут Сальск — Развиленский откормсовхоз. Естественно, гр. Звездилиной был дан мотивированный ответ: «Основанием для закрытия маршрута явились изучения пассажиропотока. Было установлено, что основной пассажирский поток направлен в административный центр района — село Песчанокопское. Пассажиропоток из Сальска в откормсовхоз и обратно незначительный».

Все правильно, какие могут быть вопросы?

Но Звездилина не успокоилась, она почему-то считала, что не пассажир — для автобуса, а автобус — для пассажира. Ее почему-то не волновали потоки, ее волновало, как она будет добираться до этого самого откормсовхоза, где живет ее больная мать. На что ей снова дали весьма убедительный ответ:

«С получением Вашего письма вопрос вынесен на заседание совета трудового коллектива, где принято постановление: «...из-за незначительного пассажиропотока и нерентабельности работы автобуса на маршруте Сальск — Откормсовхоз вышеуказанный маршрут не открывать. Протокол № 3 от 18 апреля 1988 года».

Против решения совета коллектива уже не попрешь. Неужели непонятно? Подписал этот замечательный документ заместитель генерального директора государственного объединения «Росавтотранс» С. Малахов. Так что и Звездилиной, и всему прочему «незначительному пассажиропотоку» дан от ворот поворот.

Чтобы прояснить ситуацию, я разговаривала с руководителями трех исполкомов местных Советов сопредельных районов. При этом полагала, что существование исполкомов, кои бы не заботились о своем населении, так же лишено смысла, как существование пассажирского транспорта, которому не нужны пассажиры.

Увы, я ошиблась.

Председатель Сальского горисполкома Г. Сиденко сослался на то, что, поскольку автобусный

— Товарищи, войдите в положение! Ведь этой бабушке никто не привезет дров без бутылки!

Рисунок В. ЛУГОВКИНА.

маршрут должен следовать по сельской местности, решать вопрос должен его коллега, председатель Сальского райисполкома В. Сторожук.

Однако Сторожук не менее убедительно заверила, что автопредприятие — городская организация, поэтому подчинена горисполкому, и вопрос должен решать Сиденко.

При разговоре «на бис» Сиденко уже не стал ссылаться на райисполком, а скорбел о том, что редакция попусту тратит деньги и время на проверку писем таких жалобщиц, как Звездилина.

Для более же детального обоснования позиции городских властей Сиденко пригласил к разговору начальника пассажирского автотранспортного предприятия (ПАТП) В. Криворотова.

— Мы,— заявил Криворотов,— теперь на хозрасчете и закроем как нерентабельные и все остальные семь маршрутов этого района.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! А как же быть сельским жителям без этих транспортных связей? Ведь речь-то сейчас идет об улучшении условий жизни на селе, а не наоборот. На этот вопрос заместитель председателя исполкома Песчанокопского района А. Халява, в отличие от своих коллег, заявил без всяких ссылок:

— Все автобусные маршруты нужны людям. Надо этот вопрос решать. На чем же им еще ездить? Другого транспорта в районе нет.

Если следовать примеру сальских автомобилистов, то в Москве давно надо закрыть едва ли не все маршруты наземного транспорта, да и метрополитен в придачу. Поскольку общественный транспорт пока что нерентабелен.

Но ведь есть выход! Выход в улучшении дорог, содержания и ремонта машин, условий их эксплуатации. Иными словами: в снижении расходов на содержание транспорта.

Приходится снова и снова повторять: автобусы не могут существовать без пассажиров, а хозрасчет — без заботы о людях. Хозрасчет за наш счет быть не должен. Он должен быть направлен на удовлетворение потребностей людей. И никак не иначе.

А. ПАВЛОВА.

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

ВРЕМЯ

Закругляться или
По второму кругу?
Если наземь сбили,
Подтянуть подпругу,
Снова ногу в стремя,
Прямо сесть — не криво.
Ишь, какое время:
Дует в хвост и в гриву...
Миллион приезжих —
Дома не сидится —
Каждый день прилежно
Шарят по столице.
В отпуске законном,
С денежкой в кармане
Бродят по районам,
Словно марсиане.
Не узнать Кузьминки
Или Тропарево.
Сервис без заминки —
Сядешь — и готово:
Ты побрит, пострижен,
Ты помыт, покрашен,
Отдает Парижем
В исполненье нашем.
Алкашей не видно,
Вымерли бедняги.
До чего *невинна*
Очередь в продмаге.
«Чиним!», «Кормим!», «Лечим!»,
Не житье — восторги.
На прилавке печень,
Правда, в коопторге.
Жить все интересней,
Люди мои, люди.
Как поется в песне,
«То ли еще будет».
Я душой не с теми,
Кто завел отходную.
Спрашиваю время:
«Место есть свободное?»
Говорю как другу:
«Окажи услугу,
Чтоб не закругляться —
По второму кругу!»

МОСГОРСПРАВКА

Мосгорсправка вынесла сюда
все свои заботы и печали.
Тут углы сдают, как города —
от голландок до теплоцентрали.
Снимут комнату — она и он,
проходных не предлагать, не нужно.
— Дешево продам магнитофон!
— Срочно требуется опекунша!
Ищут няню, няню не найдут,
обещают свет, и газ, и воду.
Одинокий просится в уют.
Аспирантка рвется на свободу.
Кто-то там меняет дом в Ельце
на любую площадь под Москвою...
Я стою с улыбкой на лице,
я стою с открытой головою.
Сколько лет? Неважно, сколько лет.
Оглянитесь на меня, прохожие.
Нужен друг. Не приходящий, нет.
Навсегда! Условия — хорошие.

ДИЕТА

Вы соблюдаете диету?
Я соблюдаю, но не так,
как делает работу эту
один знакомый мне чудак.

Большим досугом обладая
и перебрав букет невест,
он в институте голоданья
излишний сбрасывает вес.

А я худею без режима,
без диетических затей:
меня будильника пружина
выбрасывает в новый день.

Я не могу предаться плену
хозяйства — высший смысл ищи.
Одной рукой пишу поэму,
другой — помешиваю щи.

Звонок. Журналу нужен мигом
мой отклик, время упущу.
Одной рукой листаю книгу,
другой — рецензию строчу.

Приходит дочка. Безразличье
к вещам, к урокам — налицо.
Одной рукой в задачник тычу,
другою — чищу пальтецо.

Опаздываю. Зал. Фотограф.
Боюсь запутаться в стихах.
Одной рукой даю автограф,
другой — уже ищу пятак...

Все тривиально. За героя
не выдаю себя отнюдь.
Я — лошадь: я питаюсь стоя
и стоя норовлю соснуть.

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

Живу в Быково.
А что такого?
На зимней даче.
А как иначе?
Живу в раю:
ведром струю
ловлю, а сток —
за уголок.
Благодари,
что кран внутри,
удобства — хуже:
они снаружи.
Суп из пакетика —
вот вся эстетика.
Стихи и проза
как род наркоза.
Сижу, печатаю.
А напечатают?
Молодкой сдашь
в отдел поэзии,
когда издашь —
уже на пенсии.
А проза — это
мечта поэта.
Письмо в инстанции:
«Жду вашей санкции».
Ответ поэту:
«Бумаги нету».
Живу в Быково...
(читать сначала)

Николай КРИВЕНКО

РАЗДЕВАНИЕ ДО ТРУСОВ

Грустные мысли о смехе на манеже

В рассказе А. П. Чехова «Ионыч» есть любопытный персонаж — Иван Петрович Туркин. На все случаи жизни у него заготовлены нелепые присказки, которые ему кажутся остроумными. Встречая гостей, он всегда говорит: «Здравствуйте пожалуйста». А когда гости собираются домой, уговаривает их остаться: «Вы не имеете никакого римского права уходить без ужина. Это с вашей стороны весьма перпендикулярно». По ходу рассказа Иван Петрович стареет, седеет его голова, но шутки все те же — других он, по-видимому, не знает и знать не хочет.

О забавном чеховском герое я вспоминаю, когда смотрю выступления цирковых клоунов. Не именитых, с регалиями и званиями, а тех, кто гастролирует в основном по периферии, кто нескончаемо кочует «из Вологды в Керчь и из Керчи в Вологду». У них, как у Туркина, тоже есть свои коронные шутки, с которыми они не расстаются годами. Но это еще полбеды. Туркин был один, а клоунов много, поэтому сказанное одним дословно повторяют другие. И зрители, пришедшие сегодня на цирковую премьеру, зачастую слышат то же самое, что слышали вчера в программе другого коллектива.

Каждый второй или третий клоун обязательно упадет на манеже, а потом поднимется и скажет: «Чуть-чуть не упал!». Кивая на огромную страховочную сетку, которую натягивают униформисты перед выступлением воздушных гимнастов, редкий коверный удержится от комментария: «Вот это раскладушечка!» (Есть вариант для несуразно больших клоунских ботинок: «Вот это босоножки!»). А если клоун в рыжем парике, что, правда, бывает сейчас сравнительно редко, он наверняка попробует рассмешить зрителей обидчивым восклицанием: «Я вам что — рыжий, что ли!»

Повторяются не только реплики, но и репризы. Затрудняюсь даже перечислить коверных, исполняющих из программы в программу стародавнюю «скакалку». Начинается она с того, что клоун прыгает через веревочку, которую затем отнимает у него инспектор манежа. Тогда он достает из кармана другую веревочку, потом снимает галстук, ремень, кашне, потом в ход идут шнурки от ботинок (все это поочередно отбирает инспектор манежа). Когда «скакалочные» средства, казалось бы, исчерпаны, коверный сбрасывает пиджак, выворачивает его наизнанку и, взявшись за рукава, снова прыгает.

А репризы со свистками? Известно, что свисту нетрудно придать (попробуйте, и вы убедитесь в этом) любую тональность: приказную, вопрошающую, насмешливую, осуждающую, просительную и т. д. Вот и свистят наши клоуны, как соловьи-разбойники, разыгрывая под аккомпанемент свистулек однообразные мимические сценки (сначала один «командует», потом — другой).

И «скакалка» и «свистки», наверное, имеют право на существование. Но не в каждой же второй или третьей программе! Это как анекдот: услышал впервые — засмеялся, во второй раз — улыбнулся, а в пятый... седьмой... десятый раз?

В стремлении любой ценой рассмешить зрителей многие коверные довольствуются примитивными сценками, предельно оглупляют своих комических персонажей. Делается это в расчете на самый непритязательный вкус, на невзыскательную публику.

Вспоминается выступление клоунской группы под руководством В. Карпа на манеже Краснодарского цирка. В репризе «Расставание» коверные обмениваются подарками «на память» — из вместительных баулов и чемоданов извлекаются побитый чайник, горшочек с кактусом, огромная рыбина, резиновые сапоги. Понимая, очевидно, что резиновых сапог и кактуса недостаточно, чтобы развеселить зрителей, один из коверных дарит партнеру длинную связку рулонов туалетной бумаги, которую тот (прямо-таки умереть можно со смеха!) вешает себе на шею. Ничего более «смешного» в репризе нет... Даже если это отклик по поводу нашего очередного дефицита, то, право же, выглядит он весьма неэстетично. Мы с осуждением говорим и пишем о клоунах дореволюционного цирка, которые развлекали публику оглушительными пощечинами и пинками «ниже спины», а чем лучше ожерелье из туалетной бумаги?

Обмениваясь сувенирами, клоуны раздеваются «до исподнего». Об этом, возможно, не следовало бы упоминать, если бы снятие, прошу прощения, штанов, своих или партнеров, не стало излюбленным «художественным приемом» многих коверных. Почти в каждой программе периферийных цирков исполняются репризы, в которых клоуны считают необходимым продемонстрировать зрителям свои сатиновые, немыслимой расцветки, трусы.

Так случилось, что за последние полтора года я побывал на двух представлениях Кемеровского цирка. Выступали разные клоуны: в первой программе Я. Пигель и А. Руснак, во второй — В. Свириденко и В. Барановский. Штаны снимались и здесь, и там. В одном случае это делалось «под воздействием гипноза», в другом — коверный специально обрядился в «костюм» собаки, чтобы в клочья изорвать брюки партнера и заставить его (ради этого, насколько я понимаю, и поставлена реприза) убегать с манежа в трусах.

«А что в этом плохого? — возразил мне один из клоунов.— Публика же смеется». Но, во-первых, публика смеялась бы еще больше, если бы клоун вообще остался без трусов,— так что этот довод вряд ли убедителен. А во-вторых, над такими «раздеваниями» смеются в основном школьники и дошколята, которых, как известно, тоже пускают на вечерние представления.

Много лет назад, в пору становления советского цирка, А. В. Луначарский писал: «Клоун смеет быть публицистом». И ведущие мастера веселого цеха всегда обращались в своем творчестве к злободневным проблемам бытия, находили свою, клоунскую, интерпретацию явлений и событий, которыми жила страна. Цирковой классикой стали интермедии Карандаша военных лет: «Как фашисты на Москву шли» и «Речь министра пропаганды доктора Геббельса». Активно вторгались в жизнь лучшие репризы О. Попова, Ю. Никулина и М. Шуйдина, К. Бермана, В. Вяткина, Г. Ротмана и Г. Маковского.

Но с некоторых пор публицистика, или, скажем скромнее, оперативные, по-клоунски парадоксальные и веселые отклики на темы и события дня почти начисто ушли из репертуара многих коверных. И первый упрек следует, очевидно, адресовать училищу циркового и эстрадного искусства, которое, как показывают выпуски последних лет, не воспитывает у будущих клоунов взыскательного отношения к выбору репертуара.

Но, думается, что не только училище могло бы помочь нашей клоунаде вернуть былую славу. В свое время при Московском цирке на Цветном бульваре была создана студия разговорных жанров, которой, кстати, мы обязаны рождением таких выдающихся артистов, как Ю. Никулин и М. Шуйдин. После окончания студии Никулин и Шуйдин работали в клоунской группе Карандаша, и это также способствовало их профессиональному становлению. Так почему бы не создать сегодня такие студии при Московском и других ведущих цирках, не ввести в практику стажировку молодых коверных у опытных мастеров жанра? Это тем более целесообразно, что многие клоуны, по существу, предоставлены сами себе, они годами работают без режиссерской помощи и контроля.

Цирк — веселое искусство. И клоун — главный смехотворец, ему на роду написано развлекать и веселить зрителей. Но это вовсе не значит, что ему позволительно говорить и делать на манеже все, что угодно. Даже если кто-то смеется над этим...

P. S. Уже после того, как материал был подготовлен к печати, мне довелось побывать на эстрадно-цирковом представлении в иркутском Дворце спорта и на спектакле столичного цирка «Когда загораются звезды». Разные репризы исполняли клоуны, но без очередного раздевания до трусов не обошлось ни в иркутской, ни в московской программе. Право же, начинаешь сомневаться: а есть ли в нашем цирке клоуны, которые не снимают штаны на манеже?

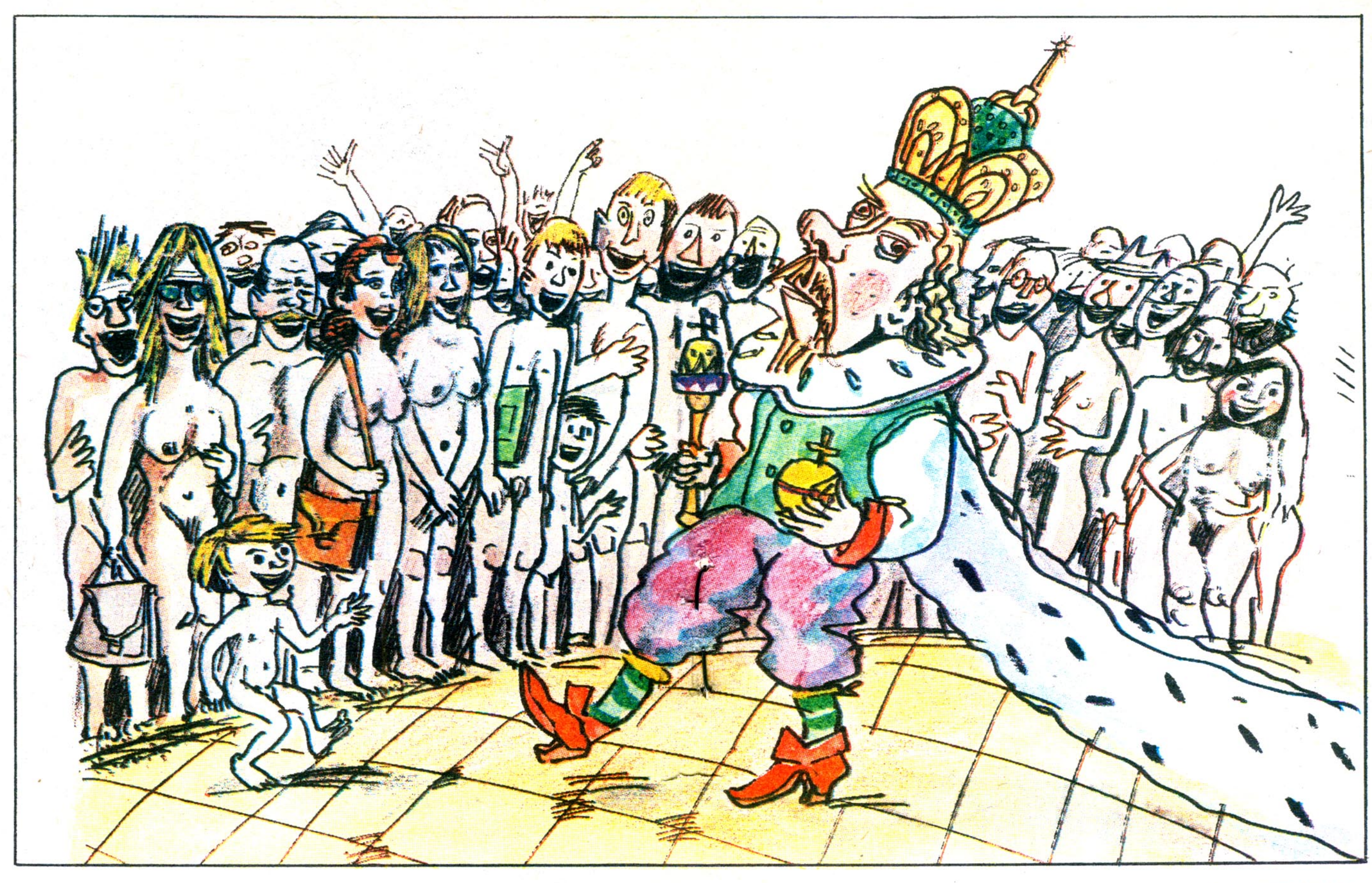

Рисунок В. КАНЕВСКОГО.

Толщина озонового слоя над Северным полушарием планеты уменьшилась с 1970 года на 4 процента.

— Шляпу можете починить?

Рисунок Г. ЛОМИДЗЕ.

НЕ ПЛЮЙ В КОЛОДЕЦ!

ОБЛАКО НА БУКСИРЕ

В жизни всегда есть место подвигу. Я, например, решил сегодня утром идти на работу пешком. Через полгорода. Сквозь утреннюю автомобильную кашу.

Домашние закатили мне истерику.

— Тебе что, жить надоело?! — посыпались реплики.— Подумай о семье, эгоист!

Но все, хватит. Хотя бы раз в жизни надо проявить себя мужчиной.

— Надо для работы,— тихо и твердо объяснил я.— Считайте, командировка.

Положил в дипломат зубную щетку, бритву, горсть монет-двушек, тапочки, медикаменты.

Сердечно простившись с семьей, вышел на площадь Восстания. Здесь врезáлся в Садовое кольцо автомобильный сель с улицы Герцена.

Сизые сладковатые клубы выхлопа туманили голову. Слегка защемило сердце. Я принял таблетку валидола и шагнул на зеленый свет. Надо мной с ревом навис автобус с опознавательными знаками Госкоминтуриста. Он буксировал за собой облако черного дыма, плотное, как ткань болонья.

Работники Московской региональной инспекции по охране атмосферного воздуха недавно проверили автокомбинат № 1 этого ведомства и тут же судорожно принялись выстукивать на машинке постановление на приостановку работы его автомобилей. Потому что выхлоп у 60% проверенных машин превышал допустимые нормы токсичности.

На улице Беговая автомобили стояли: пробка. Грузовики и легковушки рычали друга на друга, как стая бродячих собак. Казалось, что вот-вот они сцепятся и начнется отчаянная потасовка.

Я тоже стоял, но не рычал, а только тяжело дышал. Принял нитроглицерин. Настроение поднялось. Вместе с давлением.

В этот момент мимо меня промчался грузовик с номером автобазы № 1 Мособлкооптранса.

За границей, говорят, в сильно загазованных городах прямо на улице можно подышать кислородом. А тут было впечатление, что вместо кислородного мундштука я приложился к выхлопной трубе промчавшегося автомобиля. На этой автобазе тоже была проверка. На половине всех проверенных автомашин выбросы окиси углерода в атмосферу намного превышали норму.

Что вырывается из труб автомобилей в атмосферу? Этот вопрос не вызывает, к примеру, никакого интереса ни у главного инженера автокомбината № 1 Госкоминтуриста Д. Кузнецова, ни у директора автобазы № 1 Мособлкооптранса Г. Карасева, оштрафованных при проверке выхлопа автомобилей (один на 80 рублей, другой на 50).

Упади я замертво от отравления газами — никто из них не ойкнет.

Точно так же равнодушно промолчат проштрафившиеся главный инженер автобазы № 23 А. Бабак и начальник автобусного парка № 12 С. Динер.

Больше половины проверенных на этих предприятиях автомобилей выдували на-гора тучи окиси углерода. А ведь можно уменьшить вредность выхлопа! Есть такой чудесный прибор — нейтрализатор выхлопных газов автомобилей. Надевается на выхлопную трубу, и в результате атмосфера получает окиси углерода в 5—8 раз меньше.

Порывшись в дипломате и отыскав последнюю таблетку раунатина, я приготовился форсировать заключительный участок пути — площадь Савеловского вокзала, где расположена редакция. Тут у нас не одна напряженная магистраль, а несколько, друг над другом расположенных, этажеркой. Сколько тонн окиси углерода за год здесь вдыхает человек, науке пока неизвестно. Лично я, кажется, уже отвык от свежего воздуха, и в лесу или на даче чувствую кислородное опьянение.

Комок подступил к моему горлу. Запершило. Северный ветер. При нем редакционное здание (по данным Московского центра по гидрометеорологии и контролю природной среды), ко всему прочему, окуривает парами аммиака какое-то близлежащее предприятие. В дозе, в 2,5 раза превышающей допустимую.

Добравшись до редакции, я тотчас позвонил в тогдашний Минавтопром СССР.

— Да, есть такие приборы-нейтрализаторы,— объяснил мне заместитель начальника главного научно-технического управления И. С. Пятов.— Мы их можем сделать около 40 000 в год. Но эксплуатационники не берут, не готовы. На Рижском мотозаводе пришлось даже законсервировать производство...

Вот они, застойные плоды, неприятие нового. Не хотят, видимо, эксплуатационники внедрять прогрессивные устройства. Консерваторы!

Звоню в Мосавтолегтранс, начальнику технического отдела С. С. Родионову.

— Существующие нейтрализаторы нам не нужны,— говорит Станислав Семенович.— Ни на старых автомобилях, ни на новых. Они низкого качества, и потому мы от них отказываемся.

А ведь если снабдить хотя бы половину московских автомобилей эффективными нейтрализаторами, можно уменьшить содержание окиси углерода в воздухе почти до санитарных норм!

Как сами понимаете, это пока из области фантазии. Нейтрализаторы на автомобилях у нас практически отсутствуют полностью. Что же можно сделать уже сегодня? Отрегулировать топливную аппаратуру, улучшить процесс сгорания в автомобильных двигателях... Статистика на этот счет потрясает, как езда на автомашине без рессор.

В Москве 40% автомобилей с бензиновыми двигателями имеют неотрегулированную аппаратуру, что дает неполное сгорание топлива и высокую токсичность выхлопа. И слышится голос возмущенного читателя: а где же контроль?!

Контроль есть, дорогие товарищи, причем неусыпный. Работники Московской региональной инспекции по охране атмосферного воздуха совместно с органами ГАИ два раза в год проводят рейдовые операции «Чистый воздух». Это массовая проверка автомашин на токсичность выхлопа.

В результате ежегодно снимается с эксплуатации и направляется на регулировку двигателей до 30 000 московских автомобилей. Ежегодно проводятся плановые проверки автобаз, автопарков и автокомбинатов. Любой автоинспектор может остановить любой частный автомобиль и проверить токсичность его выхлопа. Только этого недостаточно. Мало! В Москве около 800 000 автомашин, и проверить все работникам гидрометслужбы и ГАИ не под силу.

Выход один: усилить ведомственный контроль. С наказанием штрафников рублем, да пожестче. На станциях техобслуживания организовать обязательную проверку и регулировку двигателей автомашин на токсичность выхлопа. Может быть, привлечь и кооперативы для этого вида обслуживания.

А пока... Пока я не рискую больше так долго гулять по московским улицам. Даже имея при себе монеты-двушки и тапочки на случай больницы.

Н. РЫНДИЧ, г. Москва.

Владислав ЕГОРОВ

У НАС В ОБРАДОВСКЕ

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ, написанная их очевидцем П. И. Неустроевым

Глава 1

Серый хищник подает голос. Лихой посвист метлы. К вопросу о трепетных созданиях. Не надо спорить с автором. Посланец центра расслабляет ремешок.

Как уже сообщалось в центральной прессе *, с наступлением в 1986 году июльского полнолуния, когда диск естественного спутника Земли и очертаниями, и скорбно снисходительной ухмылкой своей приобрел окончательное сходство с физиономией заведующего плодоовощной базой Никодима Ивановича Капустьянца, по славному райцентру Обрадовску поползли слухи, будто в городском парке имени Степана Разина стал выть волк.

Не знаю, как у вас, а в Обрадовске принято верить слухам. И для этого есть основания. Вот хотя бы такой факт. О снятии с поста нашего, теперь уже бывшего, мэра Василия Даниловича Гамова куда как задолго стали поговаривать. Ни одного вроде даже облачка, не то что тучки, на его служебном небосклоне тогда не просматривалось. Тем не менее сбылся народный прогноз, поначалу никак не укладывавшийся в голове. Рухнул Василий Данилович, что называется, в одночасье.

Как всегда свежевыбритый, благоухающий заграничным лосьоном «Spartacus» бодрым пружинистым шагом вышел он ровно в восемь тридцать из своего подъезда и протянул руку, чтобы открыть дверцу персональной «Волги». (Надо отметить, наш бывший мэр отличался демократизмом в общении с нижестоящими и категорически запретил своему шоферу оказывать эту немудрящую услугу, чем, кстати, весьма обидел доброго малого). Так вот, протянул он руку да так и застыл с протянутой рукой: машины не было. Недоуменно повел Василий Данилович очами по сторонам, но и там она не обнаружилась. Тугие розовые щеки товарища Гамова вспыхнули багровым румянцем от справедливого негодования. Еще бы, нарушался главный принцип, им исповедуемый.

— Первопричина наблюдающейся разболтанности районного хозяйственного механизма,— любил повторять он назидательно и с трибуны и в ходе доверительных бесед,— кроется именно в низкой исполнительской дисциплине и отсутствии пунктуальности при осуществлении элементарных служебных функций. Какими бы прекрасными производительными силами мы ни располагали, но если человеческий фактор позволяет себе опаздывать к станку или отвлекаться в процессе производственной деятельности на совершение известных злоупотреблений, вряд ли в такой ситуации можно рассчитывать на то, что сегодня будет лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня...

Уже пять минут простоял недвижно Василий Данилович на крыльце, а машины все не было. Перебрав все оттенки первой части спектра от розового до кумачового, его пышущее гневом лицо готово уже было приняться испускать инфракрасное излучение, но тут за углом дома послышался лихой посвист метлы, затем показалась она сама, а через мгновение и ловко управляющая ею дворничиха Екатерина Петровна, которую мэр в силу присущего ему демократизма по-простецки звал тетей Машей.

Производя своим примитивным орудием труда поистине реактивные движения, дворничиха стремительно приближалась к крыльцу. «Умеют же красиво работать наши современницы!» — несмотря на душивший его гнев, невольно отметил про себя товарищ Гамов, и взор его потеплел. Но тут жесткая метла шваркнула по его начищенным до блеска ботинкам, и тетя Маша неожиданно грубым голосом гаркнула:

— Чаво расстоялись тут? Аль не видите — мету?!

— Я... я..,— только и успел пробормотать ошарашенный мэр, как тетя Маша перебила его язвительно:

— Чай не слепая, вижу, что вы. Кто же еще пеньком стоять будет, не пошевелится, когда чистоту для вас же, охламонов, наводят?

— Ну, знаете! — начал приходить в себя Василий Данилович.— Вы что это, тетя Маша, себе позволяете? Уж не в алкогольном ли вы опьянении?

— Трезва я, касатик, трезва,— ехидно пропела дворничиха.— А вот вы, видать, с утра накачались. Ишь, одеколонищем как разит! Людей не узнаете. Какая я вам тетя Маша, когда я уж шестьдесят шестой годок Екатерина Петровна. Работающая, между прочим, ветеранка труда, почти что мать-героиня. А вот с вами, голубок, еще надо разобраться...

— Да как вы смеете таким недопустимым тоном со мной разговаривать! — повысил голос Василий Данилович, стыдясь, что обстоятельства вынуждают его изменить той доверительной манере, в которой он взял себе за правило вести беседу с рядовыми избирателями.

— А вот и смею! — нахально ухмыльнулась тетя Маша, так непредвиденно для Василия Даниловича оказавшаяся Екатериной Петровной.— Потому как не оправдали вы, товарищ Гамов, доверия трудящихся, не сумели сберечь в чистоте звание народного избранника. Вот мы и порешили отозвать вас с высокого поста. Чтоб без толку, значит, не протирали штанов в руководящем кресле. Сообчение об этом по радиво в шесть утра сделали, да вы, небось, еще почивать изволили. Ну, ничаво, в газетке тоже пропечатают...

Допускаю, что здесь возможный читатель моих записок недоверчиво покрутит головой:

— Эка загнул автор! Да ни в жизнь не поверю, чтобы простая дворничиха позволила себе по-хамски разговаривать с мэром, пусть даже и бывшим. Во-первых, она — женщина, значит, создание нежное и деликатное. Во-вторых, чего это она так разошлась, если и раньше, согласно руководящим рекомендациям, имела полное право высказать любому должностному лицу все, что думает о негодном стиле его работы? Так что совсем необязательно было ей ждать, пока В. Д. Гамова снимут с высокого поста. И, наконец, очень сильно сомневаюсь, что сам мэр, как утверждает автор, ничегошеньки не знал о готовящейся отставке.

Ну не скажите! Всякое бывает в жизни, и эпизод с дворничихой мною ничуть не выдуман. Чтобы развеять малейшие сомнения в его достоверности, сообщаю, что его не единожды воспроизводил сам Василий Данилович Гамов после завершения игры в лото, которой он самозабвенно предавался, выйдя на заслуженный отдых, в компании бывших своих сподвижников. Когда кто-нибудь не отпускался из дома сварливой супругой, место отсутствующего дозволялось занять мне. А дословно запоминать все говоренное, это, уж извините, моя профессиональная привычка.

Если вышеприведенный довод не убедил тебя, читатель, постараюсь опровергнуть твои возражения по пунктам.

Итак, сначала насчет нежных и деликатных созданий. Да, женщины у нас в Обрадовске именно такие. Более того, они еще и возвышенные, очаровательные, трепетные, легкоранимые, мятущиеся натуры, что, однако, не мешает некоторым из них (да что там некоторым — абсолютно всем!) быть иногда сущими каракатицами. «Взять мою Катерину,— недоуменно разводил руками супруг той же дворничихи Леонтий Михеевич, прозванный за многодетность Папой Римским,— грех жаловаться, баба она по натуре добрая, но уж шибко чувствительная. Чуток ослаблю к ней сексуальное внимание, становится агрессивной, ну что твой Эйзенхауэр!» (Естественно, фамилии американских президентов Леонтий Михеевич с годами заменял).

Теперь по поводу свободы критики. Этим правом обрадовцы тоже не обделены. Только воспитанные на поучительных прецедентах, они мужественно подвергают остракизму исключительно лиц, уже сошедших с исторической сцены, а вот деяния сиюминутных начальников неизменно вызывают у них умиление. Случается, иной веселого нрава администратор даже специально какую-нибудь глупость сморозит, а все равно раздается окрест восхищенный возглас: «Ваше последнее откровение восприняли всем сердцем. Единодушно и горячо поддерживаем, одобряем и обязуемся!» Улыбнется сначала весельчак-администратор: «Ишь ты, здорово я их, простаков, разыграл!» А потом, услышавши, как этот возглас целую неделю повторяют и старые, и малые, да с выражением, от души, задумается и вдруг к вящему своему изумлению обнаружит, что вовсе и не глупость он сморозил, но высказал суждение весьма здравое, при некотором же снисхождении и вовсе мудрое. Правда, на новом историческом витке, когда действующие лица поменяются и начнет функционировать диалектический закон «отрицания отрицания», все равно выяснится, что глупость она и есть глупость, из каких бы уст ни вылетела. Вот тогда — и только тогда! — открывается широчайший простор для здоровой, ядреной критики.

Нет, уважаемый читатель, с автором лучше не спорить. Но все-таки, чтобы быть до конца объективным, признаюсь: в эпизоде с дворничихой я действительно несколько изменил правде жизни, заставив бедную Екатерину Петровну изъясняться покалеченным русским языком. Однако к этому побудили меня суровые правила хорошего литературного тона. Если в современном произведении появляется пожилая, а тем более старая женщина, представительница какой-нибудь массовой профессии, как-то: колхозница, ткачиха, бульдозеристка, шпалоподбойщица, ну а тем более дворничиха, она просто обязана иметь в своем лексиконе слова «энтот», «радиво», «сообчение» и еще нежно любимое всеми прозаиками отглагольное существительное «сумление»...

Косноязычно (теперь понятно, почему), без надлежащих официальных формулировок изложила дворничиха Василию Даниловичу сообщение о его отставке, но он сразу поверил ей. «Любят обрадовцы низвергать кумиров, которых сами же с любовью сотворяют!» — с горькой укоризной подумал мэр, теперь уже бывший, и взор его невольно затуманился. Он вынул платочек из нагрудного кармана и аккуратно промокнул им уголки глаз. И камень растаял бы, наблюдая за этими трогательными действиями еще вчера гордого в осозна-

См. стр. 12.

* См. «Крокодил» № 22, 1987 г.

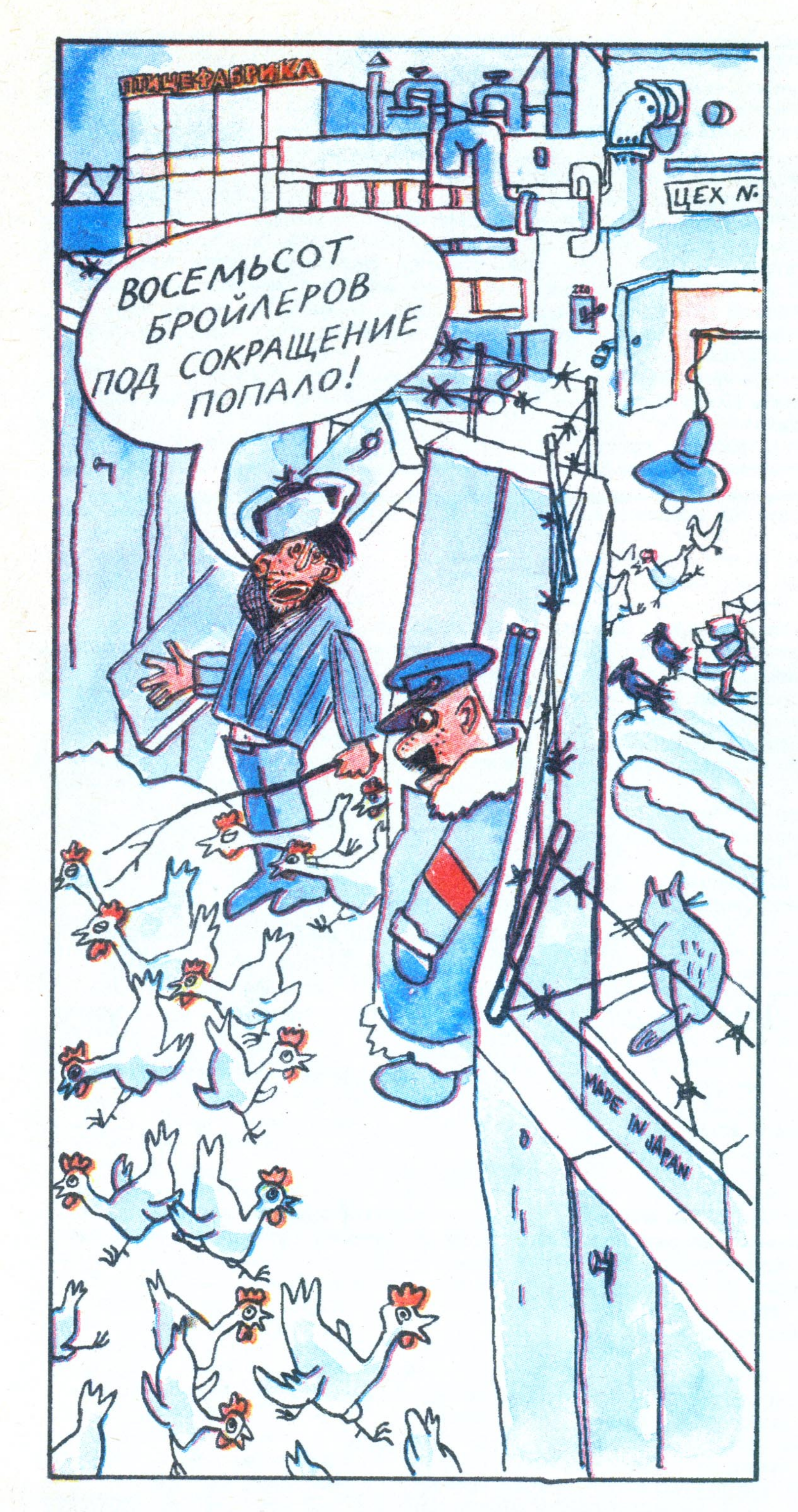
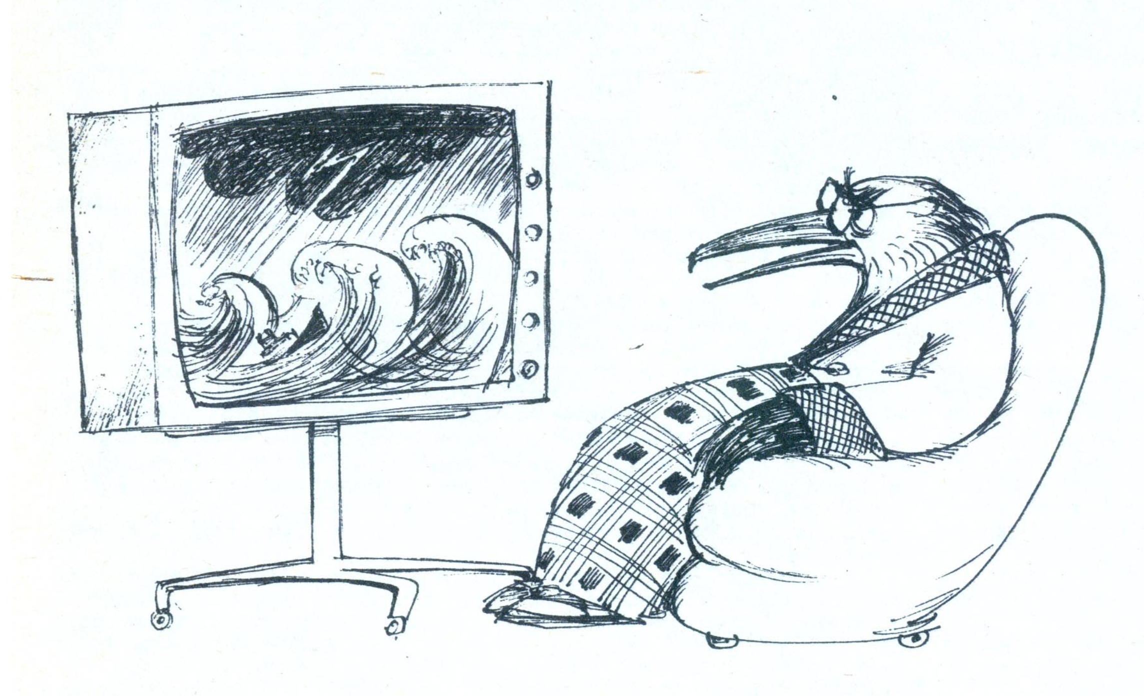

Рисунок С. СПАССКОГО.

— Что это они так веселятся?
— Да у соседей, что взяли семейный подряд, сдохла свинья!

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

БУРЕВЕСТНИК: *Пусть сильнее грянет буря!*

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ.

— Брось меня! Одна ты быстрее дойдешь до прилавка.

Рисунок Р. ДРУКМАН.

Со стр. 10.

нии великой своей значимости администратора, можно сказать, властителя бытовых и жилищно-коммунальных дум населения целого города. Вот и у дворничихи легким минорным перезвоном отозвались добрые струны души, и, шмыгнув пару раз носом, она заговорила снова своим прежним, не без приятности, голосом:

— Да вы не шибко-то печалуйтесь, Василий Данилович. Подумать только, энто какой же груз агромадный вы на своих плечах тащили. Помяните мое слово, теперича, когда его сбросили, только настоящая жизнь у вас и начинается. Пенсию вам определят достаточную. Тут не может быть никакого сумления. Детишек вы уже пристроили. Сиди себе на скамеечке да семечки лузгай. (Здесь Василия Даниловича слегка передернуло.) А то, когда вечер теплый, как хорошо в лото поиграть! Да и потом, я вам скажу, у нас в Обрадовске на вашем посту никто своей смертью не помирал. Всех сымали. Бывалыча, страшно вспомнить, все с треском, да каким! А вас-то по-тихому отстранили, разве что по радиво оглашение сделали. Но не обидное, без всяких там разъяснений про ваши художества. Просто коротенько так сказали, что, мол, освобожден от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию по личной просьбе с учетом мнения избирателей...

При этих словах Василий Данилович вдруг почувствовал, что из него будто какой-то пар выходит.

«Неужели прав был Суслопаров?» — с тоской подумал он и судорожно защемил ноздри большим и указательным пальцами левой руки, а ладонью правой плотно зажал рот. Тщетно! Неведомый пар заструился из ушей. Холодея от догадки, что свершается непоправимое, Василий Данилович явственно ощущал, как его персона претерпевает весьма нежелательные и обидные превращения: тело теряет упругость, обмякает, а голова наливается тяжестью простых, неуказующих мыслей.

«Эй, кто там наверху!» — мысленно возопил он, задирая голову.— Не дай иссякнуть до конца!»

Нет, проницательный читатель, ты ошибаешься! Автор отнюдь не намерен отдавать дань чертовщине и мистике, без которых не обходится ныне ни один уважающий себя писатель-реалист. Все обстоит гораздо проще. Впрочем, чтобы ты до конца понял суть перемен, испытанных Василием Даниловичем Гамовым при известии о снятии его с высокого поста, мне придется сделать еще одно отступление и хотя бы вкратце ознакомить тебя со взглядами на интересующий нас предмет В. И. Суслопарова, который в тот трагический момент совсем не случайно вспомнился бывшему мэру.

Тезка и один из ближайших сподвижников Гамова, теперь уже тоже бывший начальник районного управления внутренней культуры населения, Василий Иванович Суслопаров слыл в нашем городе большим философом. В ходе служебных пикников, когда наступала пауза, вызванная необходимостью предаться блаженной истоме после отведывания ухи по-обрадовски, он любил потолковать о вещах возвышенных, эфемерных, не поддающихся грубому осязанию. В частности, мне довелось слышать его рассуждения о том, надо ли общественной мысли биться ключом или достаточно ей просто дерзать, какой импульс лучше — творческий или новый, мощный, где кончаются нравственные начала и начинается духовное благосостояние. Но, что, конечно, понятно и извинительно, все свои философствования Суслопаров неизменно сводил к разговору о некоей, открытой лично им администраторской субстанции, которая только одна и отличает начальствующий состав от подчиненных.

— Будучи воинствующим материалистом,— не совсем внятно начинал он, дохрустывая севрюжий хрящик,— я предпочитаю термин «субстанция», хотя для простоты изложения вполне приемлемо и бытовое расхожее понятие «администраторский дух». Так вот, если человек обделен им, ему никогда не занять даже самого маленького руководящего кресла. И ведь народ — шапку перед ним надо снять! — это давно подметил. «Ишь, надулся!» — говаривал русский мужичок в эпоху крепостного права о старосте, или бурмистре, или еще каком выдвиженце. Вслушайтесь: на-дул-ся! — Василий многозначительно поднимал указательный палец.— Значит, вдохнул что-то и как бы задержал дыхание. А теперь, товарищи, давайте без ложной скромности посмотрим на самих себя. Все мы люди разные, кого, как говорится, бог наградил умственными способностями, кого — какими другими, случается, у иного администратора и вообще никаких свойств и качеств не видно, а тем не менее каждый, согласитесь, чувствует себя приподнятым в глазах окружающих. И приподнимает его этот самый администраторский дух. Так как он придает легкость, то можно предположить, что это какая-то газообразная субстанция, а, может, и вообще пока еще неизвестный элемент системы Менделеева. Впрочем, не собираюсь отбивать хлеб у физиков и химиков, ведь наше, философов, поле деятельности — сфера чистого разума...

— Гм, весьма любопытная теория,— улыбался очередной представитель центра.— У нас в столице мыслителей, кажется, хоть отбавляй, и деньги государство им платит немалые, а вот до такого еще никто не додумался. И ведь есть резон в ваших рассуждениях, право же, есть...

— Товарищ Суслопаров у нас вообще гораздо на идеологические придумки,— подавал тут реплику Василий Данилович.— Вот вы давеча, Александр Ильич, одобрительно отозвались о нашем почине «Каждому коллективу — надлежащий микроклимат!». Так это тоже идея Василия.

— Да, с микроклиматом у вас действительно занятно получается,— благосклонно кивал головой Александр Ильич.— Но, знаете, эта теорийка насчет администраторского духа очень и очень заманчива. Только вот, уважаемый товарищ философ,— тут следовала снисходящая, но с оттенком язвительности, улыбка в сторону Суслопарова,— замыкаться в сфере чистого разума в наше динамичное время непозволительно. В свете последних указаний, теория без практики — это некоторым образом витание в облаках, и нашей философской мысли давно пора спуститься на грешную землю...

— Она спустится, Александр Ильич, обязательно спустится,— стремительно вступал в разговор мэр, видя, что высокий гость вроде бы начинает выражать неудовольствие. Кто его знает, может, в студенческие годы какой-нибудь философ оскорбил его действием, или на свой счет принял он, по правде сказать, не совсем корректное высказывание Суслопарова об абсолютном отсутствии у иных администраторов каких бы то ни было способностей, только от греха подальше, справедливо рассуждал Василий Данилович, надо срочно «менять пластинку». И он призывно хлопал в ладоши.— Как там, Никодим Иванович, шашлычок готов у нас?

— Всенепременно! — отзывался лирическим тенорком уже знакомый нам Капустьянц, непременный участник всех неофициальных вылазок на лоно природы.

— Как, еще и шашлычок?! — постанывал высокий гость. Но постанывал как-то расслабленно и обреченно, понимая, что от судьбы, как говорится, не уйдешь, и придется претерпеть, дабы не обидеть радушных хозяев.

— Да вы не беспокойтесь,— успокаивал Василий Данилович.— Шашлык товарищ Капустьянц готовит по рецептам своих предков, и получается он вроде той воздушной субстанции, о которой Суслопаров только что вам докладывал. Сам растает во рту, и не заметите. А для удобства пищеварения — компания у нас мужская, стесняться некого — ремешочек лучше расслабить.

— Уж если так, можно рискнуть,— покорно вздыхал посланец центра и расслаблял ремешок, одновременно стараясь расстегнуть и верхнюю брючную пуговку, потому как предчувствовал, что одним шампуром тут не обойтись...

Конечно, шашлык в исполнении Никодима Ивановича Капустьянца заслуживает более подробного описания, как, впрочем, и уха по-обрадовски. Автор даже знает рецепты этих аппетитнейших блюд и посвящен в секреты их приготовления. Однако не за тем взялся он за перо, чтобы утереть нос Похлебкину, им движут совсем другие помыслы, определить которые предоставим право въедливым критикам. А сейчас позвольте завершить эпизод, долженствовавший, как, надеюсь, помнит читатель, лишний раз подтвердить, что дыма без огня не бывает и к слухам надо относиться с уважением, какими бы нелепыми они нам порой ни казались.

...Видя, как на глазах у нее теряет монументальность, тускнеет, скукоживается еще пять минут назад величественный мэр, дворничиха огорченно всплеснула руками:

— Ах ты, господи, прости меня грешную. Не думала я, старая, не ведала, что так шибко вы, Василь Данилович, напужаетесь. По глупому своему соображению, уверена была, что вы уж, поди, давно подготовлены к этой судебной превратности. (В скобках замечу, что ни до какого суда, как о том мечтали некоторые пылкие и легкомысленные обрадовцы, дело с бывшим нашим мэром не дошло. Просто Екатерина Петровна в силу необходимости соответствовать речевой характеристике, навязанной ей автором, говорит так о превратности судьбы.) Слухи-то про вас, считай, с год как ходят.

Да, если уж слухи о снятии самого Гамова, как мы знаем, полностью подтвердились, то надо ли удивляться, что изустное сообщение о волке, обосновавшемся чуть ли не в самом центре Обрадовска, большинством населения нашего города сразу же было принято на веру без сомнений и колебаний. Ну, а уж когда в «Вечернем звоне» появилась заметка местного краеведа и историографа Э. К. Утлогузова «Здравствуй, санитар леса!», тут даже записные скептики прикусили языки.

Глава 2

«А ты не хочешь высказаться?» Коварный удар сапогом. О культуре дискуссий. Любимое блюдо Жозефа Луи Гей-Люссака. Опора на творческие кадры.

Забегая вперед, скажу, что с санитаром леса оказалось не все так романтично, как живописал наш неистовый радетель экологического единения. К слову сказать, Эдуарда Каллистратовича заносило весьма частенько, а посему после его публикаций приходилось на страницах «Вечернего звона» помещать читательские отклики pro и contra, которые ответственный секретарь редакции Анатолий Карпович Бескорыстных, пытаясь завлечь недоверчивого подписчика, снабжал интригующими рубриками: «Хочу поспорить», «А у меня другое мнение», «Рассудите нас, люди!», «Ищем истину», «Читатель одобряет, сомневается, негодует», «А ты не хочешь высказаться?», «Параметры гласности». Впрочем, последний плод напряженного журналистского поиска нерадивым наборщиком был переиначен в «Периметры гласности», в каковом виде и закрепился в газете, так как появление новой актуальной рубрики было сразу же замечено и благосклонно одобрено самим Василием Даниловичем Гамовым. Когда же его референт Ванюша Онучин робко, но не без ехидства, намекнул мэру, что в «Вечернем звоне», наверное, имели в виду все-таки не периметры, а параметры, Василий Данилович со свойственным ему демократизмом рассудительно заключил: «А не один ли хрен?»

Не знаю, согласится ли со мной читатель, но сейчас, пожалуй, самое время вспомнить о том, какой накал страстей вызвал в прошлом году совершенно невинный, на первый взгляд, фенологический этюд Утлогузова «Росистыми тропами». Повествуя о грибной поре, о «скромных утехах и тихих радостях гриболовов» (Эдуард Каллистратович в своих опусах любил щегольнуть неологизмом), автор в заключение, между прочим, посетовал, что «иной обрадовец за доблесть почитает с высокомерной ухмылкой обрушить сапог на доверчивое создание природы — мухомор, который в отличие от большинства своих лесных собратьев не прячется от людей, а, напротив, без всякой опаски так и норовит попасться нам на глаза, и яркая окраска его будто молит призывно: «Возьми меня в лукошко, человек-труженик!»

Видно, трогательная эта картина до того распалила краеведа, что он подавил в себе внутреннего цензора и исторг из глубин сознания и души следующие далеко не однозначные строки:

«И на эту немую мольбу следует коварный удар сапога. Так и хочется крикнуть: «Остановись, занесенная нога! Ты же ничего не знаешь об этом пластинчатом. Ведомо ли тебе, к примеру, что французы всем другим грибам предпочитают именно мухомор? Не только за его нарядный, праздничный вид, но и за обилие в нем микроэлементов и витаминов, впитывая которые наливается бодростью ослабший организм. Отринь свою национальную кичливость и задумайся: неужели народ, давший миру Вольтера и Бальзака, Бизе и Дебюсси, Делакруа и Ренуара, Гей-Люссака и Реомюра, Наполеона, наконец, при всем, конечно же, критическом отношении к этой крупной исторической личности, неужели стал бы этот великий народ употреблять в пищу что-нибудь заведомо несъедобное?!»

Неудивительно, что этот пассаж взбудоражил широкую общественность славного райцентра, и она засыпала редакцию «Вечернего звона» письмами-откликами. Причем авторы их заняли диаметрально противоположные позиции — они или горячо одобряли или гневно негодовали. Сомневающихся не было. Анатолию Карповичу пришлось изрядно попотеть, чтобы привести в удобочитаемый вид выплеснувшиеся на бумагу эмоции обрадовцев, равно как восхищенных, так и разъяренных Э. Утлогузовым.

Продолжение следует.

ВЫ ПРОСИТЕ ПЕСЕН?..

Крокодилу, конечно, медведь на уши не наступал — по причине отсутствия последних,— но и разобраться в том ворохе писем, которые пришли для новой рубрики «Вы просите песен?..», быстро не смог. Поэтому он обратился к давнему своему другу, народному артисту СССР, а по совместительству — писателю-юмористу Н. В. Богословскому (который, кстати, уже возглавлял 12 лет назад песенный конкурс нашего журнала) с просьбой взять в руки крокодильскую дирижерскую палочку. Никита Владимирович согласился.

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

Из репертуара группы «Электроклуб»

Музыка Д. ТУХМАНОВА
Стихи М. ПЛЯЦКОВСКОГО

Мы целовались много раз в подъезде вашем
И были счастливы, что лампочка разбита.
Но появился этот самый, умный, важный —
И всё хорошее тобою позабыто.

Припев:
Тут маме жаловаться поздно,
И глупо жаловаться папе.
Ну как же сразу я не понял,
Что дело в шляпе, дело в шляпе!

Хожу я в джинсах и кроссовочках потертых,
А он — при галстуке, при шляпе, при машине.
Таких поклонников послать попробуй к черту,
Такие мигом купят всё, что на витрине.

Припев.

Я зря страдаю по твоей короткой челке,
Не для меня все эти свадебные марши.
Вы все влюбляетесь в ровесников, девчонки,
А выбираете в мужья парней постарше!

Припев.

ВИЛЫ В БОК!

Кому жить в Доме?

Мой отпуск начался 21 июля 1988 года в тесной комнатке повидавшего виды деревянного особнячка — с прогнившими полами и несусветной грязью, граничащей с потопом в местах, извините, общественного пользования... Нет, это не описание приморской хибары, сданной «дикому» отдыхающему в разгар пляжного сезона. Описанные «хоромы» были предоставлены мне и моей семье на время творческого отпуска в Доме творчества кинематографистов «Репино».

Неужели столь нище Ленинградское отделение Союза кинематографистов, что не может обеспечить своим членам иных условий для работы и отдыха? Нет, конечно. После вмешательства представителей жилищно-бытовой комиссии ЛО СК нас перевели в один из благоустроенных номеров.

Однако спустя несколько дней директор Дома творчества А. Генделев решил переселить нас на прежнее место. После моего отказа (покупая путевку, я сполна уплатил именно за проживание в благоустроенном помещении) 2 августа им был вызван наряд милиции для насильственного выдворения моей семьи. Вместо нас предполагалось вселить работника завода «Равенство», связанного с Домом творчества чисто хозяйственными и никак уж не творческими отношениями.

Это, увы, не единичный случай и не факт, так сказать, фатального личного невезения. В справке о результатах проверки Дома творчества Управлением внутренних дел Сестрорецкого райисполкома, проведенной еще 25.04.88 года, прямо указано, что только в феврале — апреле 1987 года в ДТК «Репино» проживало 170 человек, не являющихся членами СК СССР.

Уместно ли превращать Дома творчества в своего рода бюро по обслуживанию пусть не очень творческих, но зато очень «нужных» лиц?

М. ЩЕДРИНСКИЙ,
член Союза кинематографистов СССР.

Поиск сокровищ

(Маршрут автобусной экскурсии по храмам Очамчирского района Абхазской АССР. Экскурсантам необходимо захватить пляжные полотенца и купальники.)

Осмотр памятников начинается с обзора Моквского собора.

Экскурсанты выходят из автобуса и легким пружинистым шагом взбираются на небольшую возвышенность, где расположен памятник культуры X в. Не задерживаясь возле храма, группа устремляется прямо на живописный берег реки Моквы. Затем экскурсовод достает книгу И. Адзинбы «Архитектурные памятники Абхазии» и громко зачитывает: «Моквский храм отличался богатством и великолепием. Мраморная алтарная преграда его, с колоннами и украшениями, круг красного мрамора с исходящими лучами посередине пола были чудом искусства и великолепия».

Группе предлагается расстелить пляжные полотенца, натянуть купальники и нырнуть в речку Мокву, куда после недавней реставрации храма, произведенной с ведома отдела культуры райисполкома, были выброшены упомянутые украшения и фрески. Возможно, среди экскурсантов и найдется счастливчик, который вытащит на память осколок барельефа или редкого камня.

Далее все возвращаются в автобус, минуя храм, после реставрации интереса для посетителей не представляющий.

Наш автобус мчится вдоль зеленой дороги-змейки прямо к Драндскому собору XIII в. На холмистой равнине, ограниченной с востока и запада обрывами, посетителям предлагается расстелить пляжные полотенца и усесться для небольшого пикничка. Добротные стены храма, возведенные из кирпича больших размеров, надежно охранят закусывающих от ветра. Никакого иного интереса для экскурсантов храм не представляет, поскольку после реставрации его стены замазаны толстым слоем современнейшей штукатурки, надежно похоронившей остатки старинных росписей.

Но вот пикник окончен, и повеселевшие, взбодрившиеся экскурсанты готовы к осмотру Илорийского монастыря XI в.

Отогнав кур, полюбивших эти места за уединенность и тишину, экскурсовод предлагает расстелить пляжные полотенца. Именно лежа можно разглядеть остатки изящных орнаментов, еще сохранившихся под окнами западного фасада. А все, что выше, плотно забито пылью столетий.

Завершающий этап экскурсии — посещение Очамчирского райисполкома. Здесь изумленные экскурсанты узнают, что ни один профессиональный реставратор в районе не появлялся. И тогда добросовестные строительные рабочие из Очамчиры, призванные отделом культуры района на реставрационные работы, отремонтировали свои высокогорные храмы попросту: почистили стены, подмели полы, а исторический мусор свалили в реку.

Под особо впечатлительных экскурсантов рекомендуется подстелить пляжные полотенца.

Описание маршрута подготовили
И. ВЛАДИМИРОВА, К. УБИЛАВА.

Незавидное постоянство

Казалось бы, безвозвратно канули в Лету те времена, когда генетика была псевдонаукой, а кибернетика — лже... Однако нет-нет, да и мелькнет еще на горизонте призрак прошлого. В НПО «Росмузпром», например, до сих пор вздрагивают, слыша слово «эргономика».

А слышать приходится без малого уже тридцать лет. Ровно столько пытается наш читатель — баянист В. Б. Сарычев из Москвы «со товарищи» убедить «Росмузпром», казалось бы, в очевидном: в том, что в наш «энтээровский» век без науки не обойтись.

Впрочем, против «науки вообще» музпромышленники не возражают. Целый отраслевой институт — НИКТИМП — серое вещество напрягает, обеспечивая им науку.

Но при слове «эргономика» и в институте начинают озираться, подозревая идеологическую диверсию.

Может, путают эргономику с эротикой? А может, затвердили лозунг: «Конструктивно наши баяны — одни из лучших в мире» — и дальше этого видеть не хотят?

Впрочем, наши баяны действительно и звучат неплохо и внешне очень даже смотрятся. Будь баян предметом мебели — нарасхват бы шел. Но он — инструмент. И, к несчастью, музыкальный. И, значит, должен играть. А это непросто, когда весишь почти 16 кг.

— А вы как хотели? — удивляются в «Росмузпроме».— Чем совершеннее баян, тем он весомей и неудобней для исполнителя. И пудовища эти, как самые совершенные, предназначены для гроссмейстеров своего дела, для метров и километров. А они на эргономику не жалуются!

И, действительно, не жалуются километры — привыкли. Да и трудно не привыкнуть, когда «Росмузпром» с младых ногтей приучает к своему пониманию совершенства. Возьмешь детский баян — там гриф неудобный, здесь — форма кнопок... А клавиатура на обоих такая, что пальцы так и норовят между кнопок проскочить... И все это в соответствии со «стандартом».

Казалось бы, выход сам собой просится: провести эргономические исследования, внести изменения в ширпотребовский стандарт. Ведь не люди для ГОСТа, а он для людей!

Но у музпромышленников своя логика. Даже на Западе, говорят они, даже на трижды передовом Западе, не говоря уж о Севере, Юге и Востоке, не проводится подобных исследований. Вот когда там начнут, определят «мировые стандарты», тогда и начнем догонять и доблестно перегонять. В ГДР, например, баяны удобнее, а звучат хуже наших. Как тут быть?

Мы бы, конечно, могли поделиться советом. Например, почему бы не обменяться с ГДР опытом? Почему не скооперироваться, скажем, и не выдать на-гора совместный, отлично звучащий и эргономически грамотный баян? Но для этого надо прилагать усилия... что-то менять... а жизнь и без того тяжела — как отечественный баян.

Константин ЛИТВИНОВ.

АЗБУКА ПО-АМЕРИКАНСКИ

Из «Юмористического словаря» Эвана Эзара, США.

Ё, Ж, З, И.

Ёж — доисторический транспортер яблок и прародитель панков.

Животное — существо, стоящее на более низкой ступени развития, чем человек, лишь потому, что не отрывает у жизни больше, чем достаточно для существования.

Жираф — африканский небоскреб или высшая форма животной жизни. Единственное из живых существ, которое в состоянии твердо стоять на земле, в то время как голова его витает в облаках.

Заграница — это все вокруг нас, но хуже, чем у нас, потому что: а) если это развивающиеся страны, то там опасно пить свежую воду, б) если развитые — то дышать свежим воздухом.

Земля — место, где дела становятся все хуже и хуже лишь потому (по мнению простаков), что средства массовой информации работают все лучше и лучше.

Зигзаг — ближайшее расстояние между двумя барами.

Золотое правило — его суть очень проста: у кого есть золото, тот и правит.

Идеальная жена — женщина, на поиски которой мужчина тратит львиную долю своей жизни, а в перерывах женится.

Идеальный муж — у которого хватает соображения, чтобы заработать кучу денег, но оно ему изменяет, когда он приходит домой и все это отдает жене.

Идея — то, чего нельзя объяснить идиоту, и то, чего из его башки ничем не вышибить.

Индивидуалист — независимый человек, всю жизнь пытающийся оградить себя от попыток своего правительства позаботиться о нем.

Инфляция — период, когда ничто не выходит из моды так быстро, как цены.

Информация — знания, которые вы приобретаете, когда ищете совершенно иные.

Перевел А. БЕНЮХ.

Продолжение. Начало в №№ 8, 11, 15, 18, 22, 27 за 1988 г.

Слова, слова...

Порой, только настояв на своем, понимаешь, что не там стоял.

Трюизм завсегдатаев очередей.

Человек может все! Особенно делать вид, что все может.

Деловой трюизм.

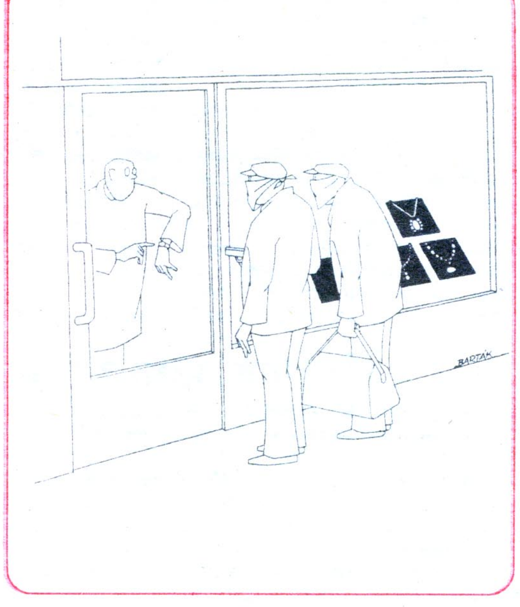
Если бы не было грешниц, с кого бы писали богинь?!

Ремарка Хефнера, редактора «Плейбоя».

Хорошо знает себе цену тот, кого купили.

Шутка, актуальная как в рабовладельческое, так и в наше время.

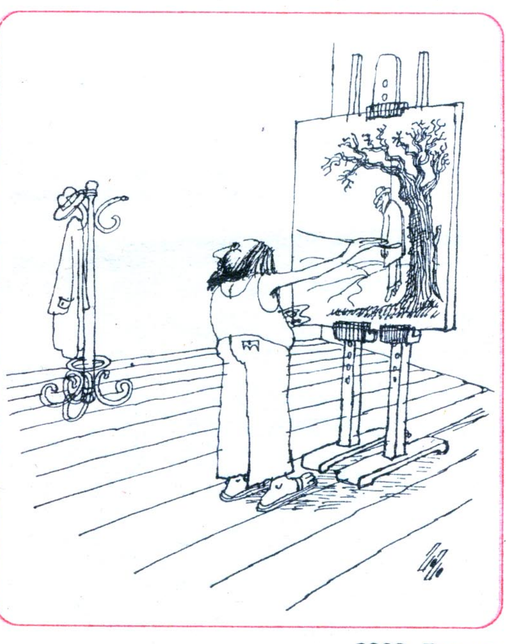
Предлагаем вниманию читателей рисунки из серии юмористических карикатур «WIT», что в переводе с английского означает «остроумие». Издается эта серия в Нью-Йорке под редакцией известного американского художника Джерри Робинсона. В этом Джерри помогают мастера карикатуры из разных стран. Итак, перед вами — плоды «Остроумия».

Мирослав БАРТАК, Чехословакия.

Лу МАЙЕРС, США.

ЗОЗО, Польша.

Сергей ТРАЙКОВ (Болгария)

КАК ВСЕ

Оперный театр полон. Программки распроданы, прочитаны, а предварительный обмен мнениями по поводу предстоящей премьеры завершен. Зрители с нетерпением ждут начала.

В этот вечер впервые на сцене должна идти новая опера с броским названием «Возвращение агронома Милойкова в деревню, где вместе с дояркой — комсомолкой Десиславой Десиславовой он пропагандирует среди кооператоров передовой опыт, в результате чего повышаются не только надои молока, но и культура сельхозработ в целом».

Уже двадцать минут восьмого, но занавес еще не поднят. Публика шумно выражает свое недовольство. В семь тридцать в театр влетает заспанный исполнитель главной роли тенор Цветанов, на ходу начинает переодеваться, и через десять минут представление начинается.

Все шло нормально, пока в середине первого действия колоратурное сопрано Анна-Мария Шнайдер-Груева, исполняющая партию молодой доярки, на полуслове не оборвала арию о нехватке фуражных кормов, потому что просто забыла текст. Напрасно бросала она взгляды на будку суфлера — тот пять минут как ушел в кулинарию, куда завезли свежие бараньи потроха.

В конце действия тенор-агроном вдохновенно начал обличать баса Генева, который исполнял роль отрицательного героя — животновода-ретрограда Спаса. Но бас Генев терпел укоры не более минуты. Потом посмотрел на часы, хлопнул себя по лбу и заторопился к зубному врачу.

Антракт между действиями продолжался тридцать пять минут. После звонка артисты неохотно потянулись на сцену. Так же неохотно они начали второе отделение, но постепенно втянулись. К сожалению, первый альт оркестра — Эвелина Руева так и не смогла закончить до конца каватину о посадке картофеля квадратно-гнездовым способом, потому что ее позвали к телефону. На свое место она уже не вернулась — нужно было срочно ехать домой к заболевшему ребенку. (В интересах истины следует пояснить, что у нее на самом деле был ребенок, но далеко — в солнечном Артеке на каникулах.)

К концу второго действия агроном, исполняя грустную арию, начал искать молодую доярку, но так и не нашел: Шнайдер-Груева уже ушла через служебный вход — опаздывала в бар «Центавр», где она в программе пела цыганские романсы.

Не найдя своей доярки на сцене, тенор-агроном сделал вид, что пошел искать ее за кулисами, а сам за рекордно короткое время переоделся, схватил букет цветов, принесенный специально на премьеру с запиской: «Не забывайте о нас — коллектив третьей психиатрии», и рванул на свидание.

Рабочий театра увидел, что сцена пустая, подождал еще пять минут и опустил занавес. Публика повалила из зала с улюлюканьем и криками вернуть деньги.

А артисты просто решили провести один рабочий день как все остальные люди...

Перевел Игорь ИЛИНГИН.

Джанни РОДАРИ (Италия)

СУДЬЯ СПРАВЕДЛИНИ

Как и все арбитры на свете, судья Справедлини не меняет своих решений. Даже если он и ошибается, нужно уважать его ошибки и тут же подчиниться его требованиям.

Чудовищная ответственность.

Сегодня он, правда, не в лучшей форме, и свисток его визжит как оглашенный, сводя с ума и игроков, и болельщиков.

Вот вместо команды «штрафной удар» свисток прошепелявил «страстной удар».

— А как его бить? — недоуменно спрашивают наши противники.

— Как хотите,— отвечает арбитр.

Посовещавшись, команда прикрепила к футболке своего девятого номера крылышки ангела, сунула в руки несколько веточек вербы, и он, разбежавшись... чуть дотронулся до мяча, который взмыл над трибунами и растаял в небе. Нужен новый мяч. Через несколько минут игра возобновляется, и пока все идет гладко. Вдруг чудовищный свисток синьора Справедлини высвистывает: «триналь-ти». Теперь этот приговор касается нашей команды.

— Вы хотели сказать «пенальти»,— в отчаянии взывают к нему ошалевшие игроки.

— Что сказал, то сказал,— с достоинством отвечает Справедлини.

— Но ведь это ужасное наказание,— три «пенальти» подряд.

Игроки нашей команды становятся на колени прямо на зеленом газоне у ног арбитра, целуют его черную шелковую фуфайку, до блеска надраивают свисток.

— Будьте любезны, измените в слове первый слог!

— Ни за что!

А болельщики кричат:

— Судью на мыло! Пусть заберет свой слог и уматывает!

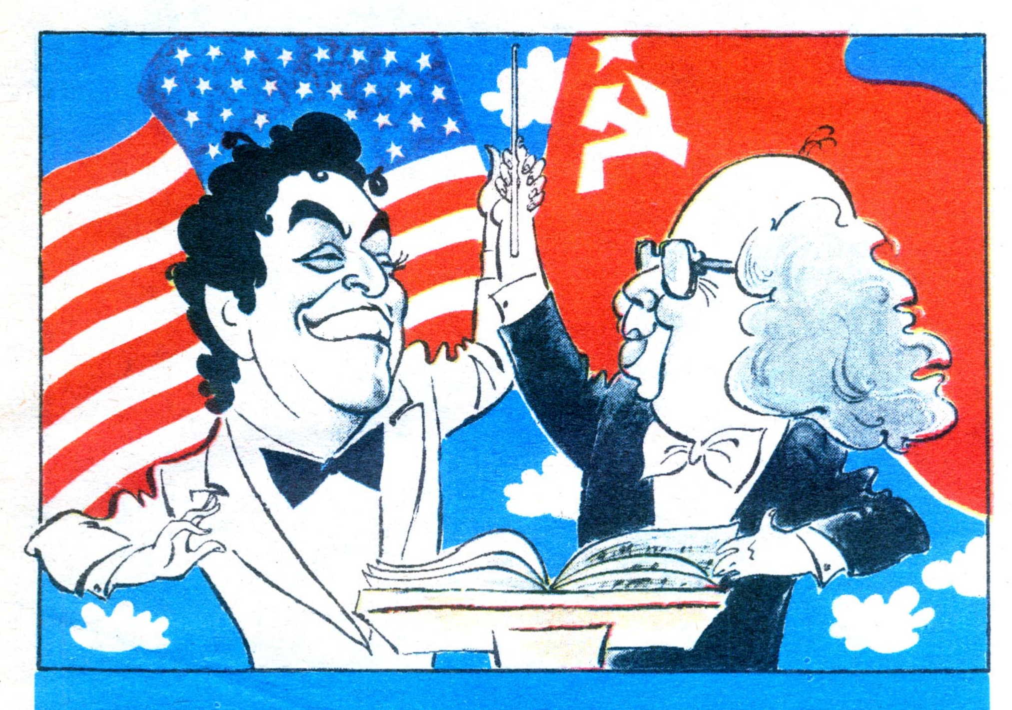
Ведь публика, как известно, не размышляет. На стадион приходят не размышлять, а поорать. Но арбитр неумолим. Тогда все болельщики начинают плакать от злости, и их слезы, стекая в ручейки, водопадиками сбегают с бетонных трибун на землю, докатываясь до самой кромки зеленого поля.

Но ничего не поделаешь. «Триналь-ти» стоит трех голов. Прощай, победа, прощай, Кубок!

Да, за некоторые ошибки приходится платить очень дорого, особенно, когда их совершают другие.

Перевел Л. КАНЕВСКИЙ.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

Зубен МЕТТА (США)
и
Геннадий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
(СССР)

Сближают ноты Запад и Восток,
Рождает музыка взаимные симпатии —
Прекрасный и доходчивый урок
Народной музыкальной дипломатии!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

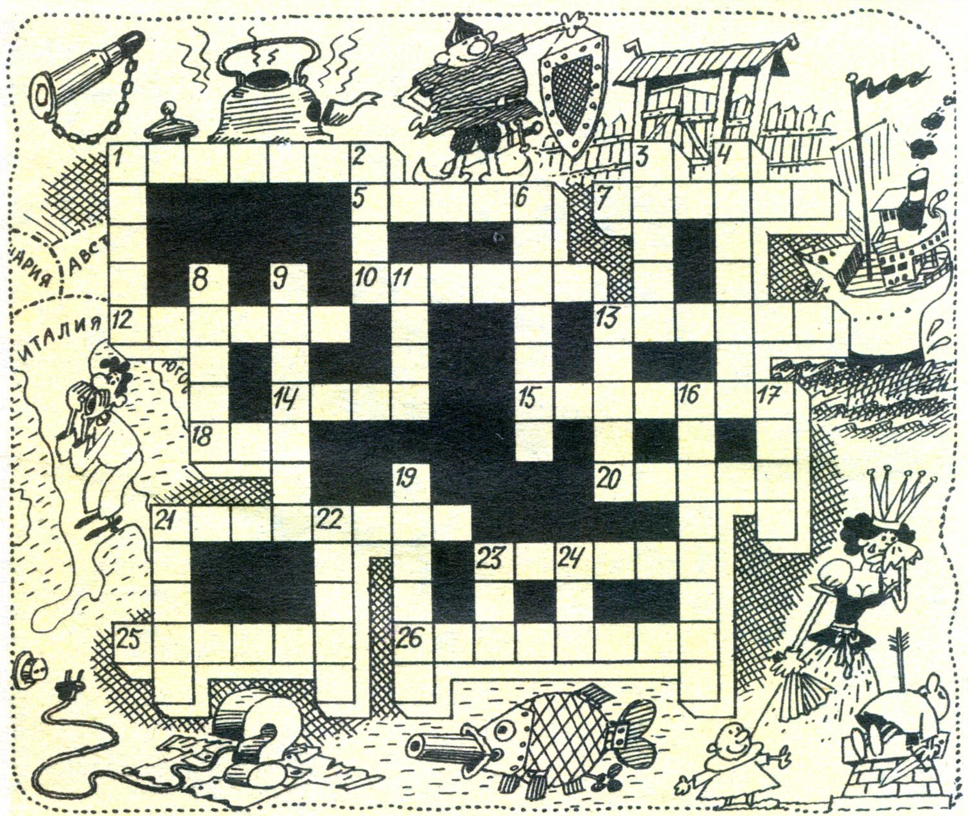
Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Верх интерьерных возможностей. 5. Хлеб в плоскости. 7. Плаха, используемая для хозяйственных нужд. 10. Занятие на час. 12. Пуля на приколе. 13. Вулкан в Древней Греции (миф.). 14. Прибор, ликвидирующий все заминки. 15. Человек с дистанционным мышлением. 18. Военно-морская рыба. 20. Часть песни, которую не выкинешь. 21. Человек, который тратит свободное время на деньги. 23. Средство передвижения в высших сферах. 25. Перевертыш (цирков.). 26. Чайник, который эксплуатируется по-черному.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Очищение в мировом масштабе. 2. Самое верное средство от гласности. 3. Громко по-итальянски (муз.). 4. Подводная застрельщица. 6. Игра, в которой хорошая фигура много значит. 8. Морская болтушка. 9. Единственное, что порой удерживает нас в общественном транспорте. 11. Князь, который любил развешивать щиты на воротах. 13. Средство производства (вокальн.). 16. Прелестница. 17. Место, на котором располагаются по-царски. 19. Геометрические фигуры, которые у нас в крови. 21. Съемная часть свечи. 22. Нормативный акт, писанный не для дураков. 23. Морская острота. 24. Первый киевский дядька.

Составил М. ЛЯШЕНКО.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Дятел. 3. Мажор. 6. Домочадец. 8. Валет. 9. Сырок. 10. Бал. 12. Стадо. 13. Утиль. 14. Али. 16. Веник. 18. Манна. 20. Капустник. 21. Ангар. 22. Аршин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Долив. 2. Лимит. 3. Мидас. 4. Рубик. 5. Пчела. 6. Дальтоник. 7. Цирюльник. 10. Боа. 11. Луи. 15. Лассо. 16. Ванна. 17. Копер. 18. Манка. 19. Аркан.

КРОКОДИЛИНКИ

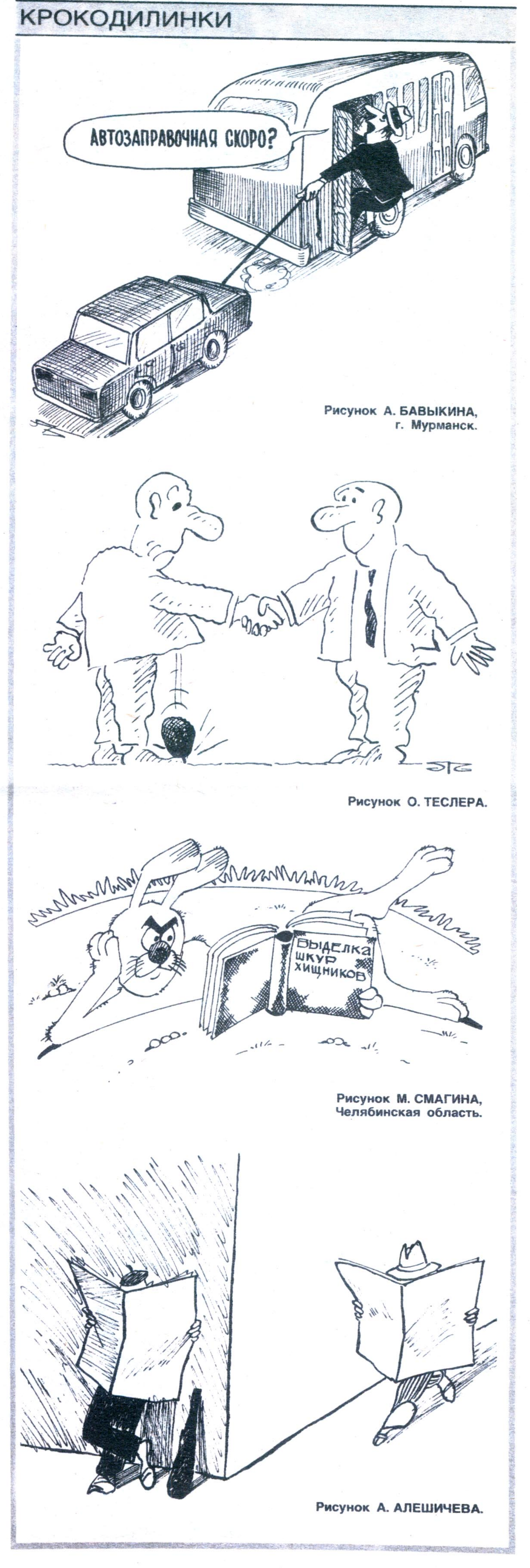
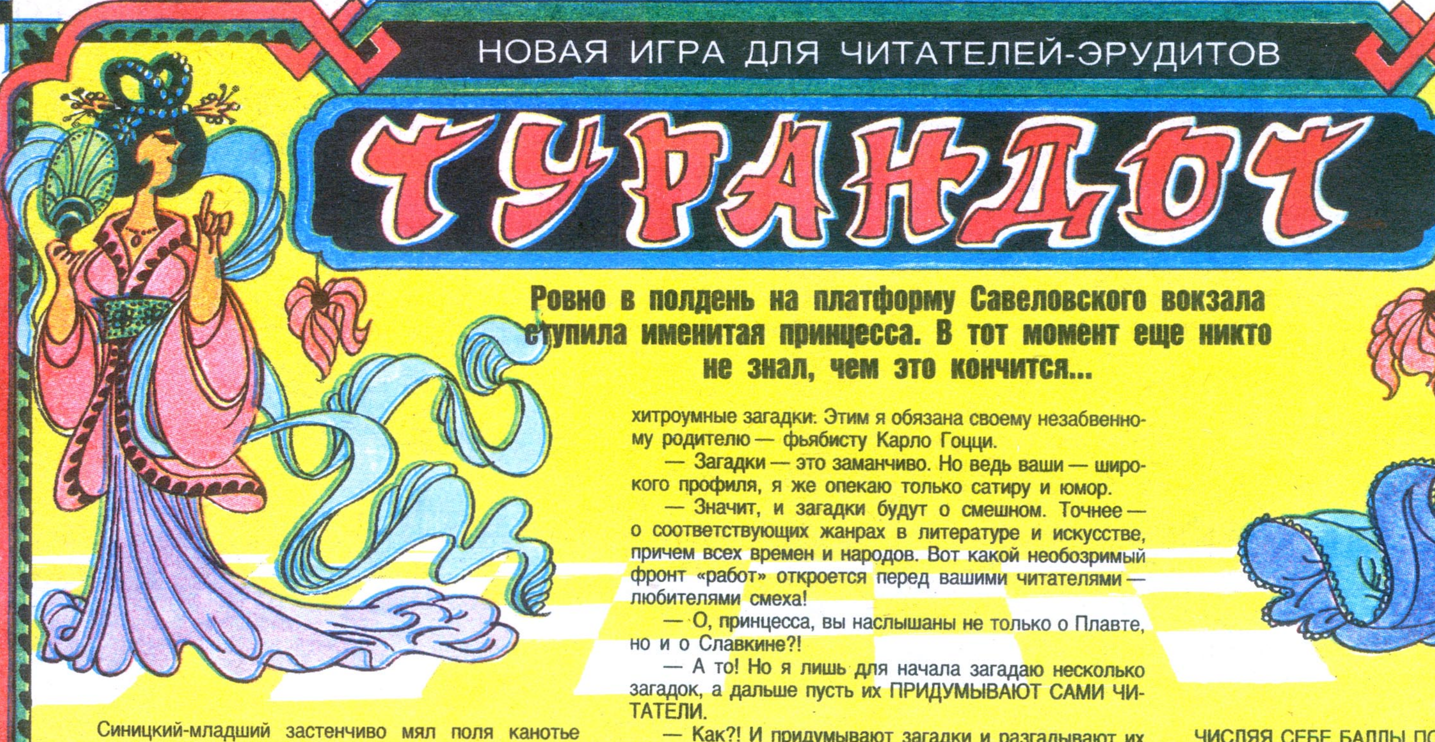

Рисунок А. БАБЫКИНА, г. Мурманск.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

Рисунок М. СМАГИНА, Челябинская область.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

НОВАЯ ИГРА ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ-ЭРУДИТОВ

ТУРАНДОТ

Ровно в полдень на платформу Савеловского вокзала ступила именитая принцесса. В тот момент еще никто не знал, чем это кончится...

Синицкий-младший застенчиво мял поля канотье и бормотал что-то невнятное. Крокодил уловил только смысл: визитер просил освободить его «по собственному» от заведования рубрикой «Шевели мозговой извилиной» — то ли в связи с неурожаем головоломок, то ли по состоянию здоровья. Огорчившись таким прошением, Крокодил предоставил т. Синицкому академический отпуск на 89-й год: «Отдохните чуток, а возвращаться ли вам на прежнюю службу в 90-м — решат читатели».

В рассуждении, какого бы умника одарить еще одной «Извилиной», Крокодил меланхолично похлопывал хвостом по столу. Легкий стук в дверь оторвал его от любимого занятия. «Круглосуточно открыто — входите!» — вежливо пригласил он.

И не пожалел. На пороге стояла писаная красавица с ярко выраженным восточным уклоном.

— Неужели?! У меня в гостях сама Юлия Турандот?! — от волнения Крокодил что-то напутал.

— Принцесса Турандот,— поднажав на первое слово, поправила красавица.— Юлия Борисова — моя задушевная подружка по театральному кооперативу.

— Прошу в гостиную, к камину...— Крокодил галантно приложился к дверной ручке.— Какими судьбами?

— Да вот по каналу телепатической связи получила экстренную информацию о возникшей у вас вакансии!

— Утверждаю вас завшей «Извилины» даже без характеристики с прежнего места работы!

— Нет-нет, мне хотелось бы предложить новую рубрику. Моя специальность, если помните,— загадывать хитроумные загадки: Этим я обязана своему незабвенному родителю — фьябисту Карло Гоцци.

— Загадки — это заманчиво. Но ведь ваши — широкого профиля, я же опекаю только сатиру и юмор.

— Значит, и загадки будут о смешном. Точнее — о соответствующих жанрах в литературе и искусстве, причем всех времен и народов. Вот какой необозримый фронт «работ» откроется перед вашими читателями — любителями смеха!

— О, принцесса, вы наслышаны не только о Плавте, но и о Славкине?!

— А то! Но я лишь для начала загадаю несколько загадок, а дальше пусть их ПРИДУМЫВАЮТ САМИ ЧИТАТЕЛИ.

— Как?! И придумывают загадки и разгадывают их мои читатели?!

— Именно так. Полистав книжки, изоальбомы, посмотрев спектакли, кино- и телекомедии, ЧИТАТЕЛИ СОЧИНЯЮТ ВОПРОСЫ РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНИ КАВЕРЗНОСТИ И ПРИСЫЛАЮТ ИХ В ЖУРНАЛ, СОПРОВОЖДАЯ ПРЕДЕЛЬНО ТОЧНЫМИ ОТВЕТАМИ (с указанием источника). Самые интересные вопросы,— а уж мне ли не знать в них толк! — я буду рекомендовать для публикации.

— СЧАСТЛИВЧИКОВ Я ПООЩРЮ МОРАЛЬНО (обнародованием имени) И МАТЕРИАЛЬНО (гонораром). Остальные же знатоки юмора, если я правильно вас понял, отгадывают загадки в тиши своих квартир и служебных кабинетов, в транспортной давке и отпускном просторе, испытывая при этом чувство глубокого морального удовлетворения, так?

— Да, но КАЖДЫЙ ЭРУДИТ МОЖЕТ БЫТЬ ЕДИН В ДВУХ ЛИЦАХ — И ОТГАДЧИКОМ И ЗАГАДЧИКОМ одновременно: ответил на чужие вопросы — сочиняй свои.

— Как это, должно быть, увлекательно — сочинять загадки! У меня просто лапы чешутся — до того хочется зарыться в книги.

— А распутывать чью-то хитрость разве не азартное занятие! Тем более что участники нашей интеллектуальной игры (а в нее веселее играть на основе семейного и коллективного подряда) смогут САМОСТОЯТЕЛЬНО ОПРЕДЕЛЯТЬ СТЕПЕНЬ СВОЕЙ ЭРУДИЦИИ, НАЧИСЛЯЯ СЕБЕ БАЛЛЫ ПО ПРЕДЛАГАЕМОЙ НИЖЕ СИСТЕМЕ.

— А если никто не осилит какую-нибудь загадку?

— Могут ли 5 млн. ваших читателей чего-нибудь не знать! Но если такое все же случится, их выручит мой Вася... Ох, Крокодил, вы заразили меня путаницей: я хотела сказать, что самые зловредные головоломки игрокам поможет одолеть принц Калаф. Ведь только перед ним не устояли мои загадки. Да еще перед Василием Лановым, с которым они на пару обожают загадочных женщин.

— Ну, тогда я спокоен: ответы на загадки будут печататься систематически и неотвратимо... Теперь, принцесса, нам осталось придумать название новой игре. Что вы скажете, если мы присвоим ей ваше имя?

— «Турандот»? Лишь в одном случае я соглашусь на это: если название будет принято без моего участия.

— Нет числа вашим добродетелям, скромнейшая... Итак, данной мне властью ОБЪЯВЛЯЮ ОТКРЫТОЙ НОВУЮ РУБРИКУ «ТУРАНДОТ»! Управлять ею будет сама принцесса, референтом на полставки назначаю принца... Заходите, Калаф, заходите!.. Вы как нельзя кстати: мы с Турандот надумали вас кое-чем обременить...

— Ах, подле Турандот я согласен на любую работу!

— И славно!.. Прошу вас, принцесса, загадать нашим читателям свои первые загадки.

— С удовольствием. Как и условились, они будут различаться по каверзности...

КАВЕРЗНОСТЬ I СТЕПЕНИ

Прошу назвать ту строчку песни из мюзикла «Веселые ребята», в которой увековечено прозвище прелестной почтальонши — героини кинокомедии «Волга-Волга»!

(3 балла).

КАВЕРЗНОСТЬ II СТЕПЕНИ

Знакома ли вам, любезный читатель, такая ситуация?

Телеграммы заблуждаются
По неведомым путям,
Иль совсем не получаются,
Иль со вздором пополам.

Ну-с, и кто же виноват в «телеграфных заблуждениях»? Только не называйте с ходу В. А. Шамшина, министра связи СССР. Василий Александрович лишь следует устойчивой русской традиции, заложенной его предшественниками.

Отрекомендуйте же объект поэтической критики персонально, а кстати, и автора неувядаемого, к нашему общему сожалению, четверостишия.

(6 баллов).

Судари и сударыни! Не уповайте более на меня, благорасположенную к вам Турандот, и безотлагательно сочиняйте собственные литературно-изо-кино-театральные загадки, таящие в себе знания о прекрасном и великом мире смеха. На конверте после названия журнала обязательно припишите: «ТУРАНДОТ».

КАВЕРЗНОСТЬ III СТЕПЕНИ

«Я спешно приближался к географическому месту моего назначения. Вокруг меня простирались хирургические простыни пустынь, пересеченные злокачественными опухолями холмов и черной оспой оврагов. Все было густо посыпано бертолетовой солью снега. Шикарно садилось страшно утопическое солнце.

Крепостническая кибитка, перехваченная склеротическими венами веревок, ехала по узкому каллиграфическому следу. Параллельные линии крестьянских полозьев дружно морщинили марлевый бинт дороги».

Чувствуете ли чеканный ритм прозы? Немудрено: в этих строчках встретились три классика — поэт, прозаик и пародист. Ах. мой начитанный друг, так кто же эти трое?

(9 баллов).

Оформление Л. НАСЫРОВА.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.